

18+

Константин Бондарь

Искусство быть Фризманом

Леонид Фризман в 2000-х —
2010-х годах

Константин Бондарь

Искусство быть Фризманом

Леонид Фризман в 2000-х — 2010-х годах

Издательские решения
По лицензии Ridero
2025

УДК 82-9
ББК 76.01
Б81

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Бондарь Константин

Б81 Искусство быть Фризманом : Леонид Фризман в 2000-х – 2010-х годах / Константин Бондарь. – [б. м.] : Издательские решения, 2025. – 116 с.
ISBN 978-5-0067-9775-8

Л. Г. Фризман – известный литературовед, исследователь русской поэзии, творчества поэтов-романтиков. Крупнейший специалист по творчеству Е. А. Баратынского, поэтов XX века.

В книге предлагается авторский взгляд на биографию и творчество Л. Г. Фризмана в последнее десятилетие его жизни.

УДК 82-9
ББК 76.01

В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-0067-9775-8

© Константин Бондарь, 2025

*к 90-летию со дня рождения
Леонида Генриховича Фризмана
(1935 – 2018)*

ОТ АВТОРА

Я пишу о своем учителе, профессоре Фризмани, уже давно. Воспоминания о наших встречах, совместных проектах, размышления над его книгами и статьями отразились в нескольких эссе, опубликованных в коллективных сборниках и электронных журналах. Теперь пришло время собрать и издать их вместе, как первую попытку в том жанре, который сам харьковский профессор очень ценил, — в жанре научной биографии.

О Леониде Генриховиче написано немало: в прессе выходили интервью с ним, ученики и коллеги оставили о нем свои мемуары. Но эта книга не дублирует их — она рассказывает о позднем Фризмани 2000-х — 2010-х годов, каким я его знал. Поэтому биография эта с неизбежностью будет неполной и субъективной, явленной лишь в нескольких ярких моментах, которые кажутся мне актуальными. Отсюда и выбранный мною прием — сочетание ранее опубликованных текстов, подготовительных материалов, обильное цитирование работ самого Л.Г. и электронной переписки с ним и о нем разных корреспондентов.

Взяться за работу меня побудила мысль о грядущем 90-летнем юбилее профессора — первом юбилее, который предстоит отмечать без него. И коль скоро предыдущие круглые даты не оставались без подарков, нарушать традицию не стоит. Так что с юбилеем, учитель!..

Л. Г. Фризман. Фото Г. И. Ганзбурга. Харьков, 2017

«Я – ЧЕЛОВЕК БУДНЕЙ...»

На Пушкинской улице в Харькове нередко можно было встретить невысокого энергичного человека, бодро идущего куда-то с сумкой через плечо. Лицо его почти всегда бывало задумчиво, взгляд за толстыми стеклами очков на чем-то сосредоточен, голову покрывал профессорский берет. Это Леонид Генрихович Фризман, известный литературовед, специалист по русской поэзии XIX–XX вв., проходил свой привычный маршрут, возвращаясь из бассейна или направляясь в библиотеку. Его знали в Харькове многие, да и за пределами родного города среди коллег ширилась слава о педагоге, публицисте, руководителе научной школы.

К счастью, Леонид Генрихович прожил долгую жизнь, и теперь, оглядываясь назад, можно утверждать, что она прошла на одной ноте, в едином стремлении – как можно полнее реализовать призвание, раскрыть и применить данный ему от Бога дар.

Он появился на свет 24 сентября 1935 г. в Харькове, где прожил всю жизнь (за исключением военных лет). Предпосылки к выбору профессии и широкий кругозор мальчик получил уже в семье: его отец, Генрих Венецианович, историк-медиевист, много лет преподавал на историческом факультете Харьковского университета, а мама, Дора Абрамовна, была хормейстером в консерватории. Л.Г. был харьковчанином в третьем поколении: еще до революции его дед Бенцион Фризман снискал известность как один из лучших в городе врачей.

Надо помнить, на какое время пришлась юность Фризмана, окончившего школу и поступившего в пединститут в 1953 г. В тех труднейших условиях выживания – корни его последующей настойчивости в достижении цели, навыков бойца, гибкости и необычайной трезвости ума. В 1957 г. Леонид закончил

русское отделение филологического факультета Харьковского пединститута. Второе высшее образование он получил в Харьковском университете, на отделении романо-германской филологии факультета иностранных языков.

Решив заниматься наукой еще в студенческие годы (свои первые шаги он делал в кругу харьковских литературоведов – Маргариты Габель, Исаака Каганова, Марка Чернякова), молодой человек твердо знал, что в аспирантуру его не примут. Единственной возможностью трудиться по специальности была школа рабочей молодежи, которой он отдал почти полтора десятка лет. Из юноши получился толковый учитель. Он полюбил эту профессию, и она отвечала ему взаимностью: ученики по достоинству ценили своего наставника. Л.Г. преподавал русский язык и литературу, немецкий язык, а когда придумали новый предмет – обществоведение, по которому вначале не было ни программ, ни учебников, взялся и за него.

Работу в школе он совмещал с научными поисками и, как тогда писали в анкетах, «без отрыва от производства» подготовил кандидатскую диссертацию. Ее защита (а это был брежневский 1967 год) сопровождалась опасениями отнюдь не научного свойства, но в итоге успешно состоялась. Лишь через несколько лет после этого Фризман смог добиться работы по совместительству на кафедре иностранных языков в вузе, а потом, после представления докторской диссертации, – места на кафедре русской литературы. Тогда ему исполнилось сорок, и все основные профессиональные достижения пришлось на вторую половину его жизни. Так, кстати сказать, было и у Д. С. Лихачева, с которым Л. Г. Фризман был близко знаком и много общался в 1960–1970-х гг. и который оказал ему поддержку перед кандидатской защитой.

Не удостоенный ни аспирантуры, ни докторантуры, Л.Г. получил докторскую степень в одном из самых авторитетных вузов страны – в Московском университете. Защита докторской «Русская элегия в эпоху романтизма» (тема эта родилась из бесед с Ефимом Эткиндом) в 1977 г. открыла самый плодотворный этап в деятельности харьковского ученого.

Борис Мейлах, крупнейший пушкинист XX в., многолетний руководитель Пушкинской группы Института русской литературы АН СССР, бывший старше Фризмана более чем на двадцать лет, писал ему в поздравительном письме:

«Без преувеличений – работаете Вы на уровне высококвалифицированного доктора наук <...> Вашу работу просто можно назвать образцовой. При этом Вы достигли такого уровня и что самое интересное, по-моему, достигли этого, шутка сказать, самосовершенствованием, без непосредственной учебы у тех, поистине крупных ученых, под руководством и в среде которых я учился, будучи студентом в МГУ и в аспирантуре Академии наук. Поэтому редко приходится поздравлять со степенью таких молодых (и в наше время появившихся) ученых, как Вы. Желаю Вам многих успехов с той же ответственностью к выпускаемым Вами трудам, как до сих пор».

В 1980-м Л.Г. стал профессором, и на кафедре открыли аспирантуру. «Молодой темноволосый профессор со щегольскими легкомысленными усиками», иронично поглядывавший на студентов, запомнился первокурснику Игорю Черному. Через много лет он, уже доктор наук, вспоминал: «Когда Фризман <...> взошел на кафедру, чтобы рассказать о себе и сфере своих научных интересов, мне показалось, что со мной заговорило само Время».

Одну за другой Л.Г. выпускал монографии, готовил к печати литературные памятники и поэтические сборники, руководил работами аспирантов и выступал оппонентом на защитах. Статьи его публиковались в ведущих специализированных журналах, а среди его корреспондентов были крупнейшие историки литературы – В. Э. Вацуро, М. Л. Гаспаров, А. Л. Гришунин, Б. Ф. Егоров, Ю. М. Лотман, Г. М. Фридендер. Тогда его известность стала всесоюзной.

Постперестроечные перемены заставили Фризмана научиться работать в резко изменившихся условиях, но не привели к снижению уровня разработки проблем. Однако они сказались на перспективах публикаций и географии научной деятельности. Постепенно возможность публиковаться стала исключительно платной, а места конференций и аспирантских защит все чаще оставались в пределах Украины. Это потребовало от профессора

*Родители – Дора Абрамовна
и Генрих Венецианович*

освоения навыков маркетинга и менеджмента, и надо отдать ему должное – он освоил их не хуже своих младших коллег. В 2000-е и 2010-е годы Л.Г. работал с завидной отдачей и результативностью.

Будучи для Харькова уникальной и даже резонансной фигурой, Фризман не мог не нажить врагов и недоброжелателей. По-

С мамой

жалуй, их у него было даже с избытком. Привыкнув бороться с обстоятельствами и не избалованный подарками судьбы, он воспринимал их как неизбежное зло и продолжал работать.

Не могли сломить его ни личные невзгоды, ни семейные трагедии. Впрочем, друзей и поклонников таланта Л.Г. тоже было немало, свидетельством чему служат сборники статей к двум его юбилеям¹. Так, сборник «Сквозь литературу», вышедший к его 80-летию в 2015 г., стал необычным не только по уровню представленных в нем имен, но и по самой их географии: в книге опубликованы работы специалистов, живущих и работающих в девяти странах.

Следуя творческой манере самого Л.Г., эти исследования свободны от натужного «научообразия», малоупотребительной терминологии, доступной лишь узкому кругу избранных. Впечатляет масштаб подхода к материалу, характерный для большинства статей. Даже там, где в центре внимания один писатель, одно произведение, они обычно рассмотрены в широком контексте, и тем читателям, которым это произведение хорошо знакомо, раскрываются новыми сторонами. Например, «Заблудившийся трамвай» Н. Гумилева принадлежит к самым известным, не раз проанализированным стихотворениям. Но Э. Обухова (Ванкувер) сумела прочесть в нем то, что ускользало от внимания ее предшественников, выявить нити, которые тянутся от него не только к современникам Гумилева — Булгакову, Мандельштаму, Цветаевой, Пастернаку, но и к Пушкину и Лермонтову. А рядом — изящный иронический этюд профессора Питтсбургского университета М. Альтшуллера «Два гудка». Отталкиваясь от различий в тональности фабричного гудка, который «дрожал и ревел» в начале романа М. Горького «Мать», и «веселого пенья гудка» в «Песне о встречном» Б. Корнилова, автор ведет нас к пониманию казенного оптимизма советской поэзии сталинских лет. Впечатляют широтой и многообразием охвата материала статьи Л. Геллера (Лозанна) «О теориях массовой литературы», О. Калашниковой (Днепропетровск) «Беллетризация документа или документализация романа: история Ваньки Каина», Т. Марченко (Артемовск)

¹ Наука и жизнь. Харьков, 2010; Сквозь литературу. Киев, 2015.

«Казацкие летописи в культурной жизни России XIX века» Т. Шевчук (Измаил) «Легенды Змеинового острова». С другой стороны, Н. Васильев (Саранск) углубился в рассмотрение литературных источников всего лишь одной пушкинской строчки «Так он писал *темно и вяло*», а Ю. Манн (Москва) воскресил восприятие европейцами далеко не самого популярного произведения Гоголя — его повести «Рим». Статья же В. Звиняцковского (Киев) и вообще выходит за рамки «чистого» литературоведения и содержит отзвук актуальных дискуссий об украинской государственности, об украинской политической нации.

Из кого же состояла его школа и как она формировалась?

«Дымок сигареты, неспешный разговор о классиках, как о живых, о великих, как о близко знакомых <...> Правда, „разговоры“ — это громко сказано <...> Под плеск воды в бассейне или под хруст огурчика на импровизированном застолье — это разве разговоры? А ведь именно так выстраивались концепции наших работ, пролагался „путь в науку“, — вспоминала доктор наук Е. Андрущенко. — Иногда мне кажется, что каждый из тех, кто вышел из его школы, реализовал какую-то сторону личности ее основателя <...> И в каждом — что-то неуловимое, прочитывающееся в манере вести беседу, общаться со студентами, коллегами, одеваться, наконец. Этот щегольской кожаный пиджак и джинсы, когда вокруг только унылые серые костюмы!»

Мне, увы, не довелось пройти школу Фризмана от начала до конца; я попал к нему на завершающем этапе подготовки диссертации. Но я считаю нашу встречу счастливым событием и большой удачей. Насколько же больше смогли почерпнуть у наставника те, кто учились у него начиная со студенческих лет до защиты — кандидатской или докторской. И в педуниверситете он оставался любимым учителем для своих многочисленных учеников.

«...Я очень люблю закономерности, — отмечала Лидия Гинзбург (кстати, входившая в ленинградский круг общения Л.Г. наряду с Соломоном Рейсером, Исааком Ямпольским и други-

ми), — понятие круговой поруки фактов для меня основное. Я охотно принимаю случайные радости, но требую логики от поразивших меня бедствий. И логика утешает, как доброе слово».

Пожалуй, эти слова можно отнести и к Леониду Фризмани — текстологу и комментатору. Начав с изучения полузабытого тогда Баратынского, Фризман издал книгу «Творческий путь Баратынского» еще до защиты кандидатской¹, а после получения степени продолжил заниматься текстологией поэта. В то же время в Норвегии русским классиком заинтересовался крупный славист Гейр Хьетсо. Его диссертация, тоже посвященная Баратынскому, была защищена в 1969 г., а в 1973-м вышла в свет монография². Переписка и сотрудничество двух исследователей продолжались много лет. Итогом двадцатилетних поисков Фризмана стали два издания в сериях «Литературные памятники»³ и «Библиотека поэта»⁴. Эти сборники полемичны по отношению к предшествующему — сборнику Баратынского в «Библиотеке поэта» 1957 г. Текстологическое кредо Фризмана сформулировано им в статье «Проблемы текстологии Баратынского», сопровождающей том 1982 г.: «Никакие соображения, не опирающиеся на историю текста — субъективные, вкусовые <...>, — не могут служить основанием для отвержения одной редакции и предпочтения другой»⁵. И другая важная мысль: во всех элементах текста — заглавии, чтениях отдельных стихов и т. д. — следует непротиворечиво придерживаться последней авторской воли.

¹ Фризман Л. Г. Творческий путь Баратынского. М., 1966.

² Хьетсо Г. Евгений Баратынский. Жизнь и творчество. Осло-Берген-Тромсё, 1973.

³ Баратынский Е. А. Стихотворения. Поэмы. М.: Наука, 1982. (*Литературные памятники*).

⁴ Баратынский Е. А. Полное собрание стихотворений. СПб., 2000. (*Библиотека поэта*).

⁵ Фризман Л. Г. Проблемы текстологии Баратынского // Баратынский Е. А. Стихотворения. Поэмы... С. 562.

Работая над изучением и подготовкой к печати стихотворений Баратынского, Фризман столкнулся с нерешенными проблемами истории «Дум» К. Рылеева и журнала И. Киреевского «Европеец». Рылеев и Бестужев входили в ближний круг общения Баратынского и на каком-то этапе были ему эстетически близки, а в журнале Киреевского он печатался. В результате появились два издания в «Литературных памятниках»: «К. Ф. Рылеев. Думы»¹ и «Европеец. Журнал И. В. Киреевского»². Последнее Фризман считал своей главной научной заслугой.

Следует вспомнить и о судьбе альманаха «Северные цветы». Было давно понятно, что альманах заслуживает современной научной публикации. Но как ее осуществить? Ведь всего вышло восемь выпусков, и каждый из них стал вехой в истории русской литературы. Несколько лет филологи обсуждали концепцию издания, и когда было решено издать том на 1832 год, тот самый, который в память о Дельвиге взялся выпустить Пушкин, оказавшись таким образом в первый и последний раз в роли издателя альманаха, Фризман решил эту задачу блестяще³.

Еще дважды довелось ему выпустить книги в прославленной серии, годы спустя. Это были «В стихах и прозе» Бориса Чичибабина⁴ и «Марфа, посадница Новгородская» Михаила Погодина⁵. В последнем издании автору этих строк посчастливилось поучаствовать вместе с учителем, и этот опыт можно отнести к числу важнейших профессиональных впечатлений. Именно

¹ Рылеев К. Ф. Думы. М.: Наука, 1975. (*Литературные памятники*).

² Европеец. Журнал И. В. Киреевского. 1832. М.: Наука, 1989. (*Литературные памятники*).

³ Северные цветы на 1832 год. М.: Наука, 1980. (*Литературные памятники*).

⁴ Чичибабин Б. В стихах и прозе. М.: Наука, 2013. (*Литературные памятники*).

⁵ Погодин М. Марфа, посадница Новгородская. М.: Наука, 2015. (*Литературные памятники*).

Фризмону принадлежала идея издать в качестве дополнений полностью и в отрывках все произведения, посвященные теме Марфы-посадницы за полтора столетия ее бытования, и это стало открытием в нашей книге. Как любил повторять он вслед за Д. С. Лихачевым, «в каждой книге должно быть пусть маленькое, но открытие». Такие открытия есть и в его последних работах: «Многообразие и своеобразие Юлия Кима»¹, «Такая судьба. Еврейская тема в русской литературе»², «Иван Франко: взгляд на литературу»³.

На протяжении более чем полувекового творческого пути Л.Г. был убежденным гражданином и демократом. С юности для него было характерно острое восприятие и переживание проблем общественной жизни, поиски истины и справедливости, нетерпимость ко лжи, лицемерию и ханжеству властей. Всему этому он не учился специально, а вынес из родительского дома, получив памятную прививку от социальных иллюзий и заблуждений в глухие годы молчания и «железного занавеса». Он распечатывал, распространял и пропагандировал непубликуемые и находившиеся под запретом стихи Алешковского, Ахматовой, Бродского, Высоцкого, Галича, Губермана, Слуцкого, Чичибабина, чем не раз привлекал к себе внимание органов государственной безопасности. Из его статей выуживали скрытую антисоветчину, именовавшуюся в те времена «неконтролируемым подтекстом». Одна из этих статей была запрещена по указанию высшей инстанции, после чего ему долго пришлось печататься под псевдонимом.

Леонид Фризман был патриотом. И именно поэтому, любя отчизну «требовательной любовью» (так называется одна из его

¹ Фризман Л. Г., Грачева И. В. Многообразие и своеобразие Юлия Кима. Киев, 2014.

² Фризман Л. Г. Такая судьба. Еврейская тема в русской литературе. Харьков, 2015.

³ Фризман Л. Г. Иван Франко: взгляд на литературу. Киев, 2017.

книг, посвященная А. Т. Твардовскому), он был непримирим к злоупотреблениям чиновников, к бездарности и глупости тех, от кого зависит принятие решений; выступал в прессе в защиту тех, кто в ней нуждался, обращал внимание на ошибки в языковой и культурной политике, в управлении образованием, в стратегии развития науки. Начиная с 1990-х гг. его многогранная личность дополнилась еще одной гранью – политического публициста, и с тех пор харьковские читатели, даже далекие от литературоведения, знали имя Леонида Фризмана по газетным статьям. Их набралось так много, что в 2000 г. они вышли отдельным сборником под названием «Эти семь лет»¹. Разбирая этот сборник, коллега и литературный спутник Л. Г. В. В. Юхт отмечал, что автор «сражался на два фронта. С одной стороны, коммунизм всех оттенков: от розового до красно-коричневого. С другой же – пещерный национализм. В новом тысячелетии коммунистический реванш едва ли способен стать реальной угрозой. Зато ксенофобия разрастается, как бурьян на заброшенном поле».

В последние годы основной трибуной Л.Г. были харьковские газеты «Время» и «2000», на страницах которых он с особенной настойчивостью напоминал о необходимости сохранения русско-украинских культурных связей, отстаивал права русского языка в современной Украине. Профессору Фризмани хватало прозорливости не смешивать текущую политику и вечные ценности культуры.

Патриотизм начинается с любви к «малой родине». И здесь Фризман был верен себе. Харьков всегда был для него самым любимым местом на свете. В предисловии к одной из своих книг – «Остроумный Основьяненко» – он посвятил родному городу такие строки:

«...как и Квитка, я в Харькове родился и прожил всю жизнь. Всегда любил поездки, исколесил немало городов и стран, но никогда и ни-

¹ Фризман Л. Г. Эти семь лет. Публицистические этюды. Харьков, 2000.

куда не помышлял переселиться. Самые задушевные ощущения, на какие я способен, я испытывал, когда возвращался домой <...> Я не умею описать перемены, произошедшие в нашем городе, так искусно и вдохновенно, как описал Квитка перемены, произошедшие на его глазах, но пережитое мной самим помогает мне лучше понять его чувства, тот неподдельный восторг, который вызывал в его душе любимый город»¹.

Первое, что бросается в глаза при знакомстве с жизнью и творчеством Л.Г., — его удивительная работоспособность: он ни дня не проводил вне письменного стола, в последние годы — без компьютера, который он вполне освоил и который стал его творческой лабораторией. С молодости привык он в работе черпать силы и вдохновение, и закончив очередную книгу, тут же садился за другую. «Я не умею сидеть без дела», — часто слышал я от него в эти годы.

В последние пять-семь лет ежегодный выпуск книги объемом в несколько сотен страниц стал для профессора Фризмана нормой. Выход на пенсию добавил ему энергии и вдохновения, и он с удовольствием называл себя «свободным художником». Даже на курорте, куда он традиционно отправлялся каждый август, Л.Г. работал за переносным компьютером. Среди его любимых выражений — «Я — человек будней, праздников у меня нет». На самом деле праздником был каждый добытый факт, каждое открытие. Верно определив свое призвание, он смог прожить именно свою, только ему предназначенную жизнь, не по чужому лекалу, а выстроенную путем проб и ошибок. Его коллеги и друзья знали, что профессор ежедневно трудится в строго отведенные для работы часы, и мы вскоре обязательно прочтем заметку ли, статью или главу из будущей книги. Это знание вселяло добрую надежду. Ежедневно из его рабочей комнаты уходили письма в разные концы света; ежедневно проходили телефонные беседы и личные встречи; наконец, еже-

¹ Фрирман Л. Г. Остроумный Основьяненко (*цит. по рукописи*).

дневно, без выходных, он прочитывал, просматривал, поглощал массу текстов, получая из них факты и оценки. Вся эта информация активно использовалась, не только обогащая его духовную жизнь, но и выливаясь в новые и новые тексты письменных и устных жанров. Отточенный десятилетиями механизм работал практически без сбоев, восхищая окружающих примером творческого долголетия.

В свои последние месяцы он увлеченно работал над книгой о Науме Коржавине. И смерть поэта 22 июня 2018 г. стала для него потрясением: он успел сообщить своему герою, что пишет о нем, и собрать очень ценные материалы. Моей последней помощью учителю стала заказанная в Российской национальной библиотеке электронная копия недоступного в Украине издания Коржавина: израильянину не составляло никакого труда перевести оплату в Россию, тогда как из Украины сделать это было практически невозможно. Л.Г. считал, что вскоре завершит книгу и уже думал о ее издании. Не раз он говорил, что нужно умереть, имея планы на завтра. Это высказывание оказалось пророческим: он умер через пять дней после Коржавина, перед началом ежедневной тренировки в бассейне.

Оставленные черновики и готовые тексты обработала и подготовила к печати Е. А. Андрущенко. Вышедшая вскоре в свет, эта посмертная книга стала свидетельством о поэте, ушедшем одновременно со своим исследователем, и о литературоведе, трудившемся до последнего дня¹.

С тех пор продолжается его инобытие. Мы, его свидетели, знаем, что оно является продолжением того, что Л.Г. успел сделать при жизни, ибо, как написал античный поэт, «не все уносит Лета»...

¹ Фризман Л. Г. «Неоконченное значит недосказанное...» Книга о Науме Коржавине / Подг. текста Е. А. Андрущенко. Киев: Изд. дом Дмитрия Бураго, 2018.

С коллегами в день 70-летия. 24 сентября 2005

ФРИЗМАН-УКРАИНИСТ

Русская литература двух последних столетий, в единстве с явлениями общественной жизни и художественной культуры, в ее высших достижениях, но также и второстепенных, малоизвестных и забытых именах была центром научных интересов профессора Фризмана на протяжении всей жизни. Но живя в Украине и будучи человеком с активной жизненной позицией, остро реагирующим на происходящее, он не мог оставить без внимания ни проблемы Украины, ни состояние украинской литературы. Особенно много он сделал для изучения двух украинских литераторов.

Первый – выдающийся ученый-ботаник, этнограф и публицист Михаил Александрович Максимович. Вместе со своей ученицей Л. Г. Фризман напечатал о нем более десятка статей, осуществил переиздание альманаха «Денница», бывшего заметным явлением литературной жизни пушкинской эпохи. Итогом кропотливых библиографических и архивных разысканий стала фундаментальная монография «М. А. Максимович-литератор»¹. Помимо основного текста в книгу вошли «Приложения» с малоизвестными, порой забытыми литературно-критическими и художественными произведениями.

Второй – Борис Алексеевич Чичибабин. Л.Г. написал первую книгу о великом поэте, да и по количеству статей о нем превосходил любого другого автора. Тем не менее, когда возникла идея издания предсмертного сборника «Борис Чичибабин в стихах и прозе» в академической серии «Литературные памятники», участие Фризмана в этой работе не планировалось и в заяв-

¹ Фризман Л. Г., Лахно С. Н. М. А. Максимович-литератор. Харьков, 2003.

ке, направленной в редколлегию, его имя не упоминалось, несмотря на то, что среди потенциальных участников издания он был единственным человеком, имевшим опыт подготовки памятников. Лишь когда прошло несколько лет и выяснилось, что участия Фризмана избежать невозможно, вдова поэта Л. С. Карась-Чичибабина обратилась к нему с просьбой спасти книгу. Он не заставил себя уговаривать: в самые сжатые сроки написал сопроводительную статью, усовершенствовал до требуемого уровня комментарий и обеспечил быстрый выпуск книги в свет¹.

Редакция, в которой он пользовался неоспоримым авторитетом, тут же предложила ему подготовить следующий памятник. Тогда он откликнулся предложением издать в серии том прозы Г. Ф. Квитки-Основьяненко. Л.Г. стремился этим внести свой вклад в укрепление престижа украинской литературы. К тому времени в серии вышло уже около тысячи книг; русская, английская, французская литературы были представлены десятками изданий, а украинские писатели удостоились этой чести лишь дважды: в 1983 г. были выпущены повести Василя Стефаника и через тридцать лет – том Чичибабина.

Его идея получила поддержку, и им был подготовлен памятник, включающий «Малороссийские повести» и роман «Пан Халевский». В процессе работы над книгой выпала большая удача: дело в том, что Квитка выпустил при жизни две книжки «Малороссийских повестей», которыми первоначально и предполагалось ограничиться. Л. Г. Фризмону удалось установить, что писатель подготовил к печати и третью книжку, которая сохранилась в его архиве и была включена в корпус издания. Но цель, которую ставил перед собой исследователь, – воскресить внимание к наследию замечательного украинского писателя – достигалась этим лишь отчасти. И Л.Г. написал монографию «Остроумный Основьяненко»² (увидевшую свет, увы,

¹ Чичибабин Б. А. В стихах и прозе / Изд. подгот. Л. С. Карась-Чичибабина, Л. Г. Фризман. Отв. ред. Б. Ф. Егоров. Москва: Наука, 2013.

посмертно), которая показывает Квитку как гордость и певца Харькова. Разумеется, в возникновении этого замысла не последнюю роль сыграл харьковский патриотизм автора: необычный, но величественный камень, установленный на могиле писателя, врезался в детскую память будущего литературоведа задолго до того, как он прочел первую повесть Квитки.

Так что внимание к критическому наследию И. Я. Франко не было для Фризмана случайным и имело давнюю предысторию. Книга «Иван Франко: взгляд на литературу» была написана в 2016–2017 гг. Ее публикация стала последней прижизненной книгой Л. Г. Фризмана, и уже одно это обстоятельство ставит ее на особое место в списке его работ. Сам он в предисловии, доверительно названном «Беседа автора с читателем», отметил масштаб поставленной им перед собой задачи. Интересуясь тем, что в литературоведении называется «писательской критикой», Фризман многие десятилетия изучал этот феномен. Уже в 1980-е гг. он находился на пике обострившегося интереса к нему, вместе с другими крупными учеными — М. Л. Гаспаровым, М. М. Гиршманом, В. М. Марковичем. Задумав книгу о Франко, «преследуя цель изучить его литературную критику в аспекте не только содержания, но и формы и показать особенность писательской критики»³, Л.Г. признавал свою заслугу в том, что нашел материал, на котором проблема писательской критики может быть решена полнее и убедительнее, чем на любом другом. Однако дело было еще и в том, что восьмидесятилетний ученый осознал эту свою работу как выполнение завета Юрия Буртина. В одном из писем, полученном вскоре после защиты докторской, московский друг и коллега призывал Л.Г. «не остаться в плену у старого, сделанного, не побояться открыть чистую страницу, замахнуться на что-то большое, даже непосильное»⁴.

² Фризман Л. Г. Остроумный Основьяненко. Харьков: Фолио, 2019.

³ Фризман Л. Г. Иван Франко: взгляд на литературу. Киев: Издательский дом Дмитрия Бурого, 2017. С. 22.

Харьковский профессор последовал совету Буртина спустя со-рок лет.

С первых же страниц Фризман вовлекает читателя в процесс активного размышления над эволюцией литературно-критического творчества писателя, подчеркивая свое присутствие: «Я выскажу мысль» (с. 4; *здесь и далее в скобках указание на страницы из книги Л. Г. Фризмана – К.Б.*), «мы располагаем...» (с. 56), «Я не знаю, довелось ли Франко...» (с. 498). Содержание книги раскрывается на пересечении взглядов – взгляда самого Франко на литературу и взгляда Фризмана как на литературу, так и на Франко-критика. Так создается атмосфера диалога – одна из главных удач автора в этой книге. Рассматривая у Франко трактовки украинских писателей – предшественников и современников, западноевропейских и польских классиков, Фризман уделяет особое внимание его оценкам русских писателей. И поскольку материал этой главы сегодня представляется особенно злободневным, остановимся на двух эпизодах – вопросе языка творчества у Гоголя и проблеме восприятия стихотворений Пушкина о польском восстании.

Думая о Шевченко, отдавая дань его знаменитой формуле «і чужому научайтесь, й свого не цурайтесь (и чужому учитесь, и от своего не отказывайтесь)», Франко бросает упрек Гоголю, который «на долгие десятки лет искажил само лицо украинской интеллигенции, отстаивая фикцию, будто высокая литература возможна лишь на русском языке» (с. 274). Размышляя о «нашем гениальном земляке-поэте», Франко никогда не забывал, что творчество Гоголя – это вклад Украины в мировую культуру (с. 329), но расхождение по вопросу о языке оставалось для Франко острым. Он знал из первоисточника – воспоминаний Г. П. Данилевского – о позиции Гоголя, откровенно высказанной им в разговоре с О. М. Бодянским. Позиции тем более важной, что она была выстрадана Гоголем и бережно передана

⁴ Там же.

современником. «Нам, Осип Максимович», – говорил Гоголь, – «надо писать по-русски, надо стремиться к поддержке и упрочению одного владычного языка для всех родных нам племен... Нам, малороссам и русским, нужна одна поэзия, спокойная и сильная... нетленная поэзия правды, добра и красоты... Русский и малоросс – это души близнецов, пополняющие одна другую. Отдавать предпочтение одной из них в ущерб другой невозможно... Всякий, пишущий теперь, должен думать не о розни, он должен прежде всего поставить себя перед лицом Того, кто дал нам вечное человеческое слово»¹.

В этом же разговоре собеседники затронули и поэзию Шевченко.

«Как вы его находите? – повторил Бодянский.

– Хорошо, что и говорить, – ответил Гоголь, – только не обидьтесь, друг мой... вы – его поклонник, а его личная судьба достойна всяческого участия и сожаления.

– Но зачем вы примешиваете сюда личную судьбу? <...> Скажите о таланте, о его поэзии.

– Дегтю много, – негромко, но прямо проговорил Гоголь, – и даже прибавлю, дегтю больше, чем самой поэзии. Нам-то с вами это, пожалуй, приятно, но не у всех носы, как наши. Да и язык...»²

Несмотря на недвусмысленное отношение к украинскому языку, Гоголь оставался для Франко не только великим писателем, но и великим украинцем. Несколько лет он посвятил переводу на украинский язык «Мертвых душ»; настойчиво просил М. Драгоманова взяться за биографию Гоголя, возражая И. Нечую-Левицкому и П. Кулишу, которые утверждали, что «Гоголь Украине навредил»³. Его заочный спор с писателем продолжался больше четверти века, пока, наконец, в статье 1905 г. «Двуязычие и двуличие» не завершился окончательным аккордом. «Ты

¹ Данилевский Г. П. Знакомство с Гоголем // Данилевский Г. П. Сочинения. Т. 14. СПб., 1901. С. 99.

² Там же. С. 98–99.

не можешь расстаться с языком, в котором родился и был воспитан, как не можешь поменяться с кем-то другой своей кожей. Возьмем для примера двух гениальных украинцев Гоголя и Шевченко. Как безмерно отличались в лучшую сторону обстоятельства, в которых писал Гоголь, в сравнении с теми, в которых прошли бурлацкие и невольничьи годы Шевченко! А что мы видим в их духовной деятельности? У Гоголя – быстрое восхождение на недостижимые вершины артистизма, а на этих вершинах – крах мышления, черные сомнения и упадок в дебри мистицизма, у Шевченко – ровная, ясная дорога все вверх и вверх, на все более высокие и светлые вершины. Причины такого конца карьеры Гоголя объясняют по-разному, но важное место среди этих причин занимает отчуждение гениального украинца от родного языка, его болезненная внутренняя трагедия⁴. Относясь с сочувствием ко взглядам Гоголя, харьковский филолог признает и самой историей подтвержденную правоту Франко.

Еще более красноречивый пример связан с Пушкиным. Будучи одним из самых известных пушкинистов Украины, Л.Г. внимательно анализирует подход Франко к русскому поэту. Его трактовку стихотворений «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина» Фризмман ставит в контекст их критики со стороны Герцена, Писарева и Добролюбова (с. 375–376, 379) и признает справедливость позиции Франко в отношении поэтической полемики Пушкина («Он между нами жил...») с Мицкевичем («Do przujaciół Moskali»): «Франко стал на сторону польского поэта: Пушкин увидел в стихах Мицкевича лишь озлобление, в то время как они были вызваны «страшной кровавой действительностью» – расправой с поляками, восставшими против своих угнетателей» (с. 378).

И вот что важно: сам Фризмман, готовя свою книгу о Франко на *русском* языке, вызывал удивленные вопросы далеких от нау-

³ Фризмман Л. Г. Иван Франко: взгляд на литературу... С. 331.

⁴ Цит. по: Фризмман Л. Г. Иван Франко: взгляд на литературу... С. 333.

ки людей и порой даже профессионалов. Л.Г. терпеливо отвечал на них, но сейчас вместо него ответить мог бы и я: берясь за ту или иную тему, он хотел углубить ее академическую разработку, укрупнить ее масштаб. И обращение к русскоязычной интеллигентной среде, к филологам и просто читателям он полагал непременным условием распространения просвещения, дальнейшего развития диалога русской и украинской культур. Эти и другие достоинства книги Л.Г. не остались незамеченными со стороны рецензентов, в частности, украинского литературоведа Е. Нахлика. Он отдавал должное «русскоязычному харьковскому еврею», написавшему о Франко сочувственную книгу, и призвал всячески поддержать начинание профессора¹.

«Особенно сейчас, когда в России украинскую литературу почти не исследуют <...> – писал Нахлик, – а о Гоголе и галицийском москвофильстве пишут крайне тенденциозно, такая русскоязычная монография особенно важна»².

Добавим, что сам Л.Г. подчеркивал: Франко «категорически отвергает любые попытки распространить ответственность за угнетение Россией Украины на русскую литературу, понимая под ней ее самую передовую, самую честную часть» (с. 89–90)³.

Так украинский классик оказывается созвучным нашему времени.

¹ Нахлік Є. Леонід Фрізман: погляд на Івана Франка // Інтернет-часопис «Збруч». 19.05.2018. <https://zbruc.eu/node/79826>.

² Там же.

³ Оляндер Л. К. Рец. на кн.: Фризман Л. Г. Иван Франко: взгляд на литературу. Киев, 2017 // Вестник Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2019. №5. С. 169–173.

*Л. Г. Фризман на презентации книги
«Такая судьба. Еврейская тема в русской литературе»*

Л. Фрицман. Такая судьба. Еврейская тема в русской литературе. Харьков: Фолио, 2015

ЕВРЕЙСКАЯ ТЕМА У ФРИЗМАНА

Еврей по происхождению и человек русской культуры по воспитанию — так можно описать вместе с миллионами его соотечественников и Леонида Фризмана. На первый взгляд, типичная ситуация для нескольких поколений советской интеллигенции. Еврейство не скрывалось, но и не было существенным фактором идентичности. После войны и в зрелые годы, тем не менее, оно серьезно отразилось в профессиональной биографии ученого: та не была ни гладкой, ни безоблачной.

Будучи автором около пятидесяти книг и более пятисот статей, он интересовался многими вещами; руководил диссертациями по литературе и XVIII, и XXI вв. Что же до иудаики, ею он не занимался и еврейской темы избегал. И только в 2013 г., в конце своего научного пути, Л.Г. обратился к проблеме «русская литература и евреи», в которой ему было суждено сказать свое слово.

Предыстория этого обращения такова: заручившись поддержкой редколлегии серии «Литературные памятники», в которой он подготовил пять книг, Леонид Генрихович загорелся идеей издать какой-нибудь «русско-еврейский» текст. Из внушительного списка, подготовленного автором этих строк по просьбе учителя, он выбрал повесть Ф. В. Булгарина «Эстерка». Фрирман давно мечтал «реабилитировать» этого писателя в глазах литературоведов и, возможно, читателей, и вот представился подходящий случай.

«Дорогой Леонид Генрихович, — писал я в начале октября 2012 г., — сообщаю о своих результатах за неделю:

1. На мой запрос в РГБ о первом издании «Эстерки» мне сообщили, что отдельного издания нет, а вышла она в томе из собрания сочинений Булгарина 1828 г., изданного Гречем. Это и будем, видимо, класть в основу публикации.

2. Для Приложения я планировал «Поход вольницы Палеевой». Узнал, что это отрывок из «Мазепы», изданный в Альманахе «Комета Белы» за 1833 г.

3. Книгу Вайскопфа «Покрывало Моисея» должны передать мне из Москвы – жду!»

Л.Г. отвечал: «радуюсь продвижению замысла. „Медный всадник“ тоже не выходил отдельным изданием. И подобных прецедентов, думаю, было много».

И вскоре в редколлегию была отправлена наша заявка:

«В русской литературе XIX в. еврейская тема занимает важное, но до сих пор недооцененное место. Явившись следствием романтической тяги к экзотике, подражания западноевропейским образцам, усвоения и переосмысления антисемитских стереотипов, эстетики изображения чужого, она реализуется во многих произведениях русских писателей на уровне идеологических установок, сюжета, мотивов и образов. До сих пор еврейская тема не получила достаточного освещения (существует только одно специальное исследование: Вайскопф М. Я. Покрывало Моисея. Еврейская тема в эпоху романтизма. М., 2008). Выбор повести «Эстерка» обусловлен как давно назревшей потребностью ввести Ф. Булгарина в круг авторов, изданных в серии «Литературные памятники», так и тем, что именно данная повесть играет значительную роль в становлении и развитии еврейской темы в русской литературе первой половины XIX в.

Структура издания

Текст

Текст повести воспроизводится по изданию: Эстерка. Историческая повесть // Сочинения Ф. Булгарина. СПб.: тип. Н. И. Греча, 1828. Т. 3. Ч. 6. С. 1–65.

Дополнения

Фрагмент Хроники Яна Длугоша, рассказывающий о Казимире Великом и Эстерке.

Гайдамаки // Северная пчела. 1828. №1.

Фрагменты романа «Иван Выжигин», связанные с еврейской темой, по изд. 1829 г.

Фрагменты романа «Димитрий Самозванец» по изд. 1830 г. «Поход вольницы Палеевой» (отрывок из романа «Мазепа») // Альманах «Комета Белы» за 1833 г.

Вопиющая типографская буква // Северная пчела. 1833. №141 (упоминание о стремлении евреев в Иерусалим).

Каббалистик // Северная пчела. 1834. №109; Соч. в 3-х т., 1836 Т. 1. С. 290–303.

Воспоминания. СПб.: М. Д. Ольхин, 1846–1849 (отрывки).

Путевые записки в поездку из Дерпта в Белоруссию весной 1835 г. // Северная пчела. 1835. №212.

Комары. Всякая Всячина. Рой первый. 1842. С. 217 (анекдот о Потемкине и евреях).

Приложения

Статья Л. Г. Фризмана «Ф. В. Булгарин и еврейская тема в русской литературе первой половины XIX в.».

По иронии судьбы в редколлегию одновременно поступила заявка на издание булгаринских «Воспоминаний», которая, конечно, получила предпочтение.

Вот как об этом писал Б. Ф. Егоров:

«Дорогой Леонид Генрихович, я, похоже, не очень четко описал свои даты. Прибыл в Питер после Москвы и Уфы вчера вечером, поэтому только сегодня сел за 65 полученных писем. Заявка Ваша жидковата — не в еврейском смысле, а в солидности. Еврейскую-то тему, конечно, надо развивать. А в смысле крупноты выиграет поданная заявка одной питерской дамы — предлагает „Воспоминания“ Ф. Булгарина. Думаю, такая заявка пройдет. И после этого заявка на одну повесть будет выглядеть бледно. Можно попробовать, я бы защищал, акцентируя весь национальный антураж, но уверенности у меня нет. Я бы подумал над более весомой заявкой. Теперь уж — до скорой встречи! Успеха Вам в спонсорских делах! Ваш Б. Е.»

В письме от 26 декабря 2012 г., уже после редколлегии, Л.Г. подвел итог: «Дорогой Костя! Эстерка, увы, не прошла. „Не нуж-

но нам двух Булгариных одновременно“. Егоров пишет, что В. Е. Багно чувствовал себя очень смущенным и сказал ему: передайте Фризмону, что мы высоко ценим его участие в серии, пусть поскорее подаст любую другую заявку, и мы ее обязательно примем. Такой вот новогодний подарочек».

Профессор, впрочем, был не из тех, кто, по его словам, «проигрывает войну, проиграв в первом сражении». Нашей заявкой, впоследствии удачно воплотившейся, стала драма «Марфа, посадница Новгородская» М. П. Погодина, а Булгарина Леонид Генрихович решил подготовить и издать отдельно. Об этой идее, которая, к сожалению, тоже не воплотилась в жизнь, напоминает проект, поданный на конкурс в Мемориальный фонд еврейской культуры в Нью-Йорке.

Вскоре, углубившись в материал, Фризман понял, что еврейская тема выходит далеко за рамки наследия Булгарина и вообще литературы первой половины XIX в., и взялся рассмотреть ее всю — от зарождения до наших дней. Так за год была написана книга, стоящая особняком в научном наследии Фризмана, — «Такая судьба. Еврейская тема в русской литературе». Автору этих строк посчастливилось помогать Л.Г. и в библиографических разысканиях, и справками по специфическим вопросам иудаики. Вот как сам ученый представил свой труд:

«Дорогой читатель! Со страниц этой книги на тебя смотрят евреи, какими их изобразили русские писатели в произведениях, созданных на протяжении более чем полутора столетий — с начала XIX века до последних лет существования советской власти. Чтобы она появилась на свет, мне довелось проделать работу, обычную для любого историка литературы: произвести необходимые библиографические разыскания, отобрать круг необходимых текстов, осмыслить их по отдельности и в совокупности, сделать зримой движение и эволюцию темы. Так создавался фундамент, без которого не стоит никакой дом... Если у тебя возникнет желание самому прочесть те произведения, которые здесь разобраны, проверить справедливость моих суждений, составить собственное мнение — очень хорошо. Если тебе будет довольно того, что ты узнал о них от меня — тоже неплохо. Думаю, что судьбы персонажей тех произведений, о которых пойдет речь — в чем-то разные, в чем-то сходные, — натолкнут тебя на раз-

мышления о более общих вещах, вплоть до исторических судеб русского еврейства. Ведь литература — это отражение жизни и не просто отражение, но и постижение, а жизнь — это более важная штука, чем литература. Подлинный художественный образ выражает действительность, ее глубинную суть лучше, чем реальный факт. Тем он нам и дорог. Потому писатели и пишут книги. А наше дело — помочь тебе, читателю, побольше из этих книг почерпнуть. К этому стремился и я. Как удалось — увидим».

Книга, выпущенная издательством «Фолио», стала попыткой представить эволюцию непростой темы на протяжении более чем полутора столетий: от отечественной войны 1812 г. до крушения советской власти. Ее первая и главная черта — эта книга не только о литературе. Из привлекаемых к анализу исторических и мемуарных материалов, из портретов писателей и анализа больших и малых произведений складывается картина исторических судеб русского еврейства, какой она виделась харьковскому филологу. И так как остановиться на всех его наблюдениях невозможно, выберем те, что относятся к сфере его непосредственных интересов, произведениям эпохи романтизма и поэтическим исканиям середины — второй половины XX в.

Надо сказать, что масштабность замысла, необходимость работать «широкими мазками» не всегда давала литературоведу возможность углубиться в детали. Красноречивый пример связан с уже упоминавшимся Булгариным. Анализируя его творчество, Фризман останавливается на повести «Эстерка», справедливо называя ее центральной в интересующем его аспекте. Используя популярный мотив польской историографии и художественной литературы, Булгарин делает основой сюжета любовь короля Казимира Великого к еврейской девушке и описывает ее глазами гайдамаков, посланцев папы и местных евреев. И вот здесь читатель встречается с булгаринским приемом, характеризующим его не как банального юдофоба, а как зрелого мастера интриги: сама Эстерка красива и добродетельна, но ее единоверцы, собирающиеся на «ужасное еврейское судилище — *санхедрин*», обрисованы

самыми мрачными красками в своем стремлении покарать Эстерку за нарушение ею еврейских законов:

« — Закон велит, — сказал раввин, — преступнице объявить проклятие, и если она не исправится, казнить ее смертью, но как Эстерка не признает суда и не может возвратить сыновей на лоно Израиля, то я предлагаю без отлагательств казнить ее смертью.
— Казнить! Казнить! Десять, сто, тысячу раз казнить! — закричали со всех сторон»¹.

Как показал М. Вайскопф, в этом эпизоде мы имеем дело с первыми ростками мотива «тайного еврейского правительства», который в ту пору встречался только в беллетристике, в сочетании с «курьезными ошибками», допущенными Булгариным при описании еврейских обычаев². Правда, этот пласт оставлен автором «Такой судьбы...» без внимания. То обстоятельство, что «коварство» соплеменников Эстерки терпит крах, благородный молодой рыцарь Решко спасает ее и возвращает королю, а «санхедрин» запрещается, трактуется лишь как торжество справедливости³. Первоклассный беллетрист, Булгарин ведет с читателем двойную игру: создавая образ прекрасной еврейки (знакомый читателю, скажем, по романам В. Скотта), он поддерживает один романтический миф, но одновременно актуализирует и другой, живописуя опасное тайное «судилище». Булгарину нужен этот контраст; он даже усиливает к концу повести идеализацию Казимира, которого «простило потомство». В этой неоднозначной позиции писателя рецензент книги Фризмана С. Кормилов усматривает тактику, которая должна была, по замыслу Булгарина, отвести от него подозрения в юдофобии, а заодно и в польском национализме⁴.

Разрабатывая стереотипный набор романтических мотивов в изображении евреев, Фризман привлекает творчество Р. Зото-

¹ Фризман Л. Г. Такая судьба... С. 60.

² Вайскопф М. Покрывало Моисея. Еврейская тема в эпоху романтизма. Москва; Иерусалим: Гешарим, 2008. С. 172, 179.

³ Фризман Л. Г. Такая судьба... С. 61.

ва, в романе которого «Леонид, или некоторые черты из жизни Наполеона» действует посредник Мозес. Его речевая характеристика шаржирована в духе эпохи («*Мы же люди торговые: что потребуют, то и продаем*»), он думает только о своей выгоде, но оказывается полезным, а в итоге даже спасает главного героя. То, что еврейский образ в романе единственный, объясняется тем, что Мозес — не индивидуализированный персонаж, но обобщенный тип; изображая его таким, Зотов выражал не собственные пристрастия, а стереотипы своего времени⁵. К этому же выводу приводит автора разбор произведений И. Лажечникова, Н. Кукольника и других, а затем их эпигонов, таких как Вс. Крестовский. Фризмана радуют положительные персонажи-евреи, появившиеся у русских писателей довольно рано — в романах В. Нарезного «Российский Жилблаз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова» и Н. Коншина «Граф Обо-янский, или Смоленск в 1812 году».

Здесь можно разглядеть еще одну характерную черту фризмановского подхода: стремление расценивать писателя с лучшей стороны. Не скрывая негативных или пренебрежительных высказываний писателей (в том числе и классиков — Достоевского, Некрасова, Чехова) о евреях, Фризман склонен относить их к устойчивым речевым штампам; он ищет в художественных произведениях то, что «реабилитирует» их создателей. Так, о Некрасове, нарисовавшем в поэме «Современники» широкую панораму еврейского участия в развитии капитализма, автор замечает: «Евреи вызывали у Некрасова страх перед <...> капиталом, приобретающим все большее влияние и власть»⁶. Иными словами, «характерная русская ненависть к толстосумам была лихо перенесена на всех евреев зачастую почти вне связи с ве-

⁴ Кормилов С. И. Двести лет — вместе? *Леонид Фризман. Такая судьба. Еврейская тема в русской литературе. Харьков: Фолио, 2015 // Знамя. 2016. №1. (<https://znamlit.ru/publication.php?id=6170>).*

⁵ Фризман Л. Г. Такая судьба... С. 67.

роисповеданием»⁷. Или другой пример. Завершая разговор о Чехове, Фризман прибегает к сравнению:

«Для Жаботинского было само собой разумеющимся подходить к оценке людей и ситуаций, исходя из ходячей формулы „А как это для евреев?“ Чехов так не поступал. Как последовательный гуманист он сопереживал всем людям, и евреям не больше и не меньше, чем другим. Но сказать, что он писал о них „с безразличием“, пусть даже правдивым, — это, как говорится, взять грех на душу»⁸.

Скрытый упрек Жаботинскому и похвала Чехову — чем не рефлекс прошлых эпох? И в других местах книги публицистичность, характерная для 80-х гг. прошлого века, дает о себе знать. Скажем, в образе Соломона из «Степи»: «Чехов <...> угадал одного из пионеров еврейской „полуинтеллигенции“, которой предстояло сыграть огромную роль в истории России и русской революции. Это из них выростали Богровы, Зиновьевы, Урицкие, Ягоды, это они найдут себя в ЧК, ОГПУ, НКВД, это они станут во главе стройки Беломорканала, а потом и всего ГУЛАГа»⁹. Тут впору согласиться с рецензентом, что «стремящийся быть объективным исследователь словно забыл, что карательные органы возглавляли и поляк Дзержинский, и русский Ежов, и грузин Берия»¹⁰.

Всю жизнь изучавший забытые, неопубликованные, обойденные критикой тексты, Фризман продолжает это делать и здесь. Несколько страниц посвящены поэтической драме И. Сельвинского «Тушинский лагерь» (1939 г.), которая не была опубликована после написания, и лишь в 2000 г. фрагменты из нее и предисловия самого поэта увидели свет. В пьесе прово-

⁶ Там же. С. 90.

⁷ Кормилов С. И. Двести лет — вместе?..

⁸ Фризман Л. Г. Такая судьба... С. 163.

⁹ Там же. С. 153.

¹⁰ Кормилов С. И. Двести лет — вместе?..

дится мысль о еврейском происхождении Лжедмитрия II. Эта гипотеза, не являющаяся общепринятой ни в историографии, ни в источниковедении, стала предметом нашего внимания¹. Тем более интересно, что советский поэт воплотил ее художественно, а литературовед счел эту попытку достойной включения в свой обширный обзор:

«был ли самозванец, подобно Гришке Отрепьеву, авантюристом, жаждавшим власти, богатства, разгульной жизни, и, следовательно, то, что он был евреем, так же несущественно, как и то, что он носил бороду, или, быть может, национальная особенность Лжедмитрия в связи с условиями жизни евреев XVII века определила его психику таким образом, что в действиях тушинца следует искать нечто большее, чем авантюру?» – писал И. Сельвинский².

Положительное отношение автора к своему герою, выраженное в предисловии, подхватывает и филолог, напоминая, что еврейская тема занимает значительное место в содержании пьесы. Сельвинский не просто делает своего героя евреем, – еврейство становится причиной его гибели: один из героев, Абрагам, вслед за обвинением, что самозванец в погоне за московским тронem забыл свой народ, в пылу спора закалывает Лжедмитрия кинжалом. Такое художественное решение, по Фризмону, – отважный поступок поэта.

Многолетние занятия русской поэзией XX в. позволили Фризмону свободно ориентироваться и в таком непростом материале, как эволюция еврейской темы у Б. Слуцкого, от стихов о преследовании евреев в Германии до горьких строк о набравшем силу советском официальном антисемитизме. Вместе

¹ Бондарь К., Торпусман А. Тушинский вор Богданко (по сведениям источников и антропонимическим данным) // Заметки по еврейской истории. №2–3 (206), февраль-март 2018. (<http://z.berkovich-zametki.com/2018-znomer2-3-atorpusman/>).

² Фризман Л. Г. Такая судьба... С. 302–303.

с переменой в понимании поэтом своего места в русской культуре (от «Я говорю от имени России, / Ее уполномочен правотой» до «на русскую землю права мои невелики») происходит и переосмысление самого еврейства («Созреваю или старею – / Прозреваю в себе еврея»). В стихи входят приметы времени: судьбы полукровок, изучение иврита, поветрие перехода в христианство. Последнее, оцененное поэтом презрительно, приводит атеиста Фризмана к недоумению перед такой позицией. Зато с полным согласием он цитирует пожелания еврейской молодежи, которые выглядят как итог поэтических исканий Слуцкого в еврейской теме:

«...Почаще лезьте в драки,
 Читайте книг немного,
 Зимуйте, словно раки,
 Идите с веком в ногу...»¹

Немало сил отдавший изучению бардов, известный своими трактовками строк Окуджавы и Высоцкого, выпустивший монографию о Киме, Фризман проявил себя тонким пониманием лиризма Галича, например, там, где тот касается судьбы Януша Корчака и обитателей варшавского «Дома сирот». И здесь дело не только в том, что у Галича с детской надеждой сливается поэтическое пророчество («Но когда забулькают ручейки весенние, / В облаках приветственно протрубит журавль, / К солнечному берегу, к острову спасения / Чей-то обязательно доплывет корабль!..»), но и в том, что поэт не разделяет чаяний своих героев – «Мы вернемся в Варшаву!»:

¹ Там же. С. 384.

«Рвется к нечистой власти
Орава речистой швали...
Не возвращайтесь в Варшаву,
Я очень прошу Вас, пан Корчак!
Вы будете чужеземцем
В Вашей родной Варшаве!»¹

Речь идет о принципиальном для барда (и для исследователя) сближении фашизма и сталинизма, поздние отголоски которого Галич видел в Польше 1970-х гг. Антиеврейская (и античеловеческая) сущность обоих режимов подчеркнута в последней главе книги Фризмана как вывод из историософии В. Гроссмана и в определенном смысле – как итог всей его работы. Автору книги «Такая судьба...» нужен был «ударный» финал.

И здесь самое время сформулировать некоторые итоги. Занявшийся иудаикой в какой-то мере случайно, профессор успел почувствовать ее вкус и полюбил эту область. Именно с ней он связывал свои планы на будущее. Уже этот первый труд, книга «Такая судьба...», получил поддержку Мемориального фонда еврейской культуры в Нью-Йорке, благодаря чему книга вышла в свет, и эта поддержка отнюдь не была авансом. В этой книге вызревал план его труда о Коржавине, ставшего научным завещанием; он планировал назвать книгу «Настоящее имя поэта Коржавина – Мандель» и уделить в ней значительное место еврейской теме. Здесь же продолжалось осмысление творчества Чичибабина, и неслучайно исследователь приводит в главе о нем строки харьковского поэта:

«Кем бы мы были, когда б не евреи, –
Страшно подумать»

И. Айвазовский писал одному из корреспондентов за несколько месяцев до смерти: *«Восемьдесят три года застав-*

¹ Там же. С. 398.

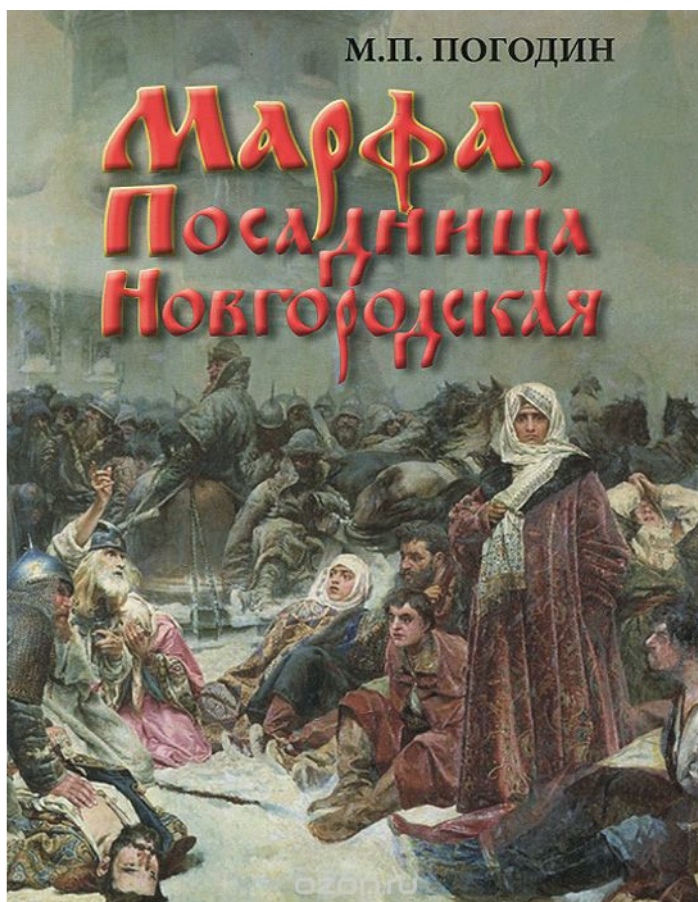
ляют меня спешить». Когда знакомишься с последними работами Леонида Генриховича, писавшимися после восьмидесяти, вспоминаешь об этом. Он знал, что остается немного, и потому спешил. Этим можно объяснить отсутствие в его книге строгого аппарата, но это не делает ее менее серьезной. В конце концов, герой Е. Водолазкина, профессор Никольский (*Соловьев и Ларионов*), говорил своему аспиранту, что в финале пути ученый как правило обходится без ссылок.

В еврейской теме, пусть с опозданием, Л.Г. видел свою роль в том, чтобы расширить ее изучение, снять с нее налет сенсационности и перевести, так сказать, из журналистской плоскости в академическую. Автор настраивает читателя на нужный лад в предисловии:

«Литература — это отражение жизни, и не просто отражение, но и постижение, а жизнь — более важная штука, чем литература. Подлинный художественный образ выражает действительность, ее глубинную суть лучше, чем реальный факт»¹.

Иудаика для многих, приходивших из смежных специальностей, превращалась во вторую профессию; зачастую она приводила своих адептов к вере или перемене образа жизни, порой — к переезду, но гораздо реже она становилась для них тем, чем стала для Леонида Фризмана: манифестом и завещанием.

¹ Там же. С. 4.

М. Погодин. Марфа, посадница Новгородская. М.: Наука, 2015

РОМАН С «МАРФОЙ». ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА

2013 год прошел под знаком драмы «Марфа, посадница новгородская». Потерпев неудачу с заявкой на издание Булгарина, мы с Л.Г. принялись искать памятник, который редколлегия приняла бы без обиняков. Сохранившиеся варианты напоминают об интенсивности поисков:

1) «Агасфер». Основной текст – «Странствующий жид» В. Жуковского. Дополнения – «Агасвер» В. Кюхельбекера, тексты Пушкина, Н. Минского, Ю. Кузнецова, Вс. Иванова. Приложение – «Сюжет Агасфера в русской литературе».

2) П. Вяземский. «Путешествие на Восток» (по изд. 1883 г.). Дополнения – стихотворения, записные книжки, воспоминания современников об этом периоде жизни Вяземского. (Возможно, поездка Гоголя в Палестину?) Приложение – «Вяземский и традиция русского паломничества».

3) В. Одоевский. «Сказки дедушки Ириней» 1841 г. Основной текст – сказки, вошедшие в это издание («Бедный Гнедко», «Городок в табакерке», «Житель Афонской горы», «Мороз Иванович», «О четырёх глухих», «Отрывки из журнала Маши», «Разбитый кувшин», «Столяр», «Червячок», «Шарманщик»). Дополнение – не вошедшие в издание 1841 г. тексты, первые издания тех сказок, которые написаны раньше. Дополнения издателя Д. Ф. Самарина («Анекдоты о муравьях», «Серебряный рубль», «Сиротинка»). Дополнения В. Н. Грекова («Два дерева»). Приложение – «Литературная сказка Владимира Одоевского» или «Одоевский-сказочник и русская литература 1830-х–1840-х гг.»

И все же, в ходе обсуждения («бросания шариков», по Фризмону) выбор пал на погодинскую драму «Марфа, посадница нов-

городская». «Дорогой Костя, – писал Л.Г. – все надо не спеша обдумать и взвесить. Но с первого взгляда меня больше всего привлекает Погодин. Доводы многообразны. Спасибо за дельные размышления».

Заявку мы сформулировали так:

«Тема Марфы Посадницы была одной из сквозных тем русской литературы на протяжении всего XIX века. Достаточно назвать такие вещи, как «Падение Новгорода» В. Петрова (1800), анонимный «Разговор Марфы, посадницы Новгородской, с Иринею...» (1800), «Царь, или Спасенный Новгород» М. М. Хераскова (1800), «Марфа Посадница, или Покорение Новгорода» Карамзина (1803), «Марфа Посадница» П. И. Сумарокова (1806), «Марфа Посадница, или Покорение Новгорода» Ф. Ф. Иванова (1809), «Причины падения Новгорода» А. А. Жандра (1816), «Марфа Посадница» К. Ф. Рылеева (1822), «Марфа Посадница, или Славянские жены» Е. П. Ковалевского (1832), «Марфа Посадница, или Падение Новгорода» В. И. Аскоченского (1848), «Новгород» М. А. Дмитриева (1861), «Новгородское предание» К. К. Случевского (1880), «Марфа Посадница» Е. А. Прибыткова (1888), «Марфа Посадница» Д. Л. Мордовцева (1891), «Драма на Волхове» Д. Карышева (1894), «Рухнувший великан. Исторический роман из XV века» Е. О. Дубровиной (1894) и ряд других более мелких произведений.

Едва ли не центральное место в этом обширном перечне принадлежит стихотворной трагедии М. П. Погодина «Марфа Посадница Новгородская». Она заслуженно признана его главным свершением как драматурга, что подкреплено известной высокой оценкой Пушкина. В предлагаемом издании будет показано ее место не только в контексте исторического и художественного творчества Погодина, но и в контексте темы Марфы Посадницы в русской литературе. В обширном разделе «Дополнения» читатель найдет как информацию о содержании и общие характеристики, так и важнейшие извлечения из вышеперечисленных, большей частью совершенно забытых, мало кому из-

вестных в наше время произведений. Ориентировочный объем издания — 30 п. л., в том числе текст памятника — 5 п. л., дополнения — 12 п. л., статья — 8 п. л., примечания — 5 п. л.»

Борис Федорович Егоров встретил заявку с восторгом:

«Слава Богу прочитал! Очень порадовала заявка. Только два замечания: раз дается длинный список датированных произведений, то и погодинскую Марфу надо сопроводить датой. А второе — объем статьи. Начнут москвичи скрипеть! Поставьте хоть 6 листов. И к объему трагедии прибавьте лист — 6 листов. Пришлите заявки Ха-Ха, мне, да и В. Е. Багно. Ваш Б. Е.»

Тогда же Л.Г. начал переговоры с давней своей знакомой, И. Г. Птушкиной, которую прочил в ответственные редакторы. И уговорить ее оказалось непросто...

«Дорогой Леонид Генрихович! Рада, что Вы хотите приготовить для серии новый памятник. В прежние времена я бы, не задумываясь, с радостью согласилась взять на себя ответственное редактирование «Марфы-посадницы», но сейчас у меня большие сомнения. Теперь, когда время поджимает, а я пообещала себе, что не буду брать на себя никаких новых обязательств, поскольку есть много своих «дел», которые ждут завершения, у меня большие сомнения в связи с Вашим предложением. Отказывать Вам мне очень не хочется: я отношусь к Вам с большим уважением и хорошо знаю, как замечательно Вы работаете. Давайте не будем решать этот вопрос без оглядки. У меня к Вам несколько вопросов. Псылали Вы свою заявку ученому секретарю Р <редакционной> К <оллегии> Л <литературных> П <памятников> Елене Владимировне Халтрин-Халтуриной? В мае (точно не знаю, когда) должно быть заседание РК, и нужно, чтобы Ваша заявка прошла формальное утверждение на РК.

В заявке обязательно укажите сроки завершения работы над памятником и сроки предоставления рукописи в РК. (В заявке, присланной мне, эти сроки не указаны). В письме (не в заявке) к ней можно заметить, что Вы предлагаете меня отв. редактором издания.

Заявку на заседании РК скорее всего придется докладывать мне, а потому напишите мне, пожалуйста, о Вашем соавторе, К. В. Бондаре. О нем на РК обязательно спросят, а я о его работах ничего, к сожалению, не знаю и сказать ничего не смогу.

Думаю, что против «Марфы» никаких возражений в РК быть не может. Этот памятник был в планах РК еще с 1980-х годов; он был объявлен среди готовящихся памятников в печатном справочнике «Литературные памятники», составленном Д. В. Ознобишиным. Имя подготовителя памятника в справочнике не указано. Наконец выяснила, что это Нина Валерьяновна Королёва. Сегодня я с ней говорила по телефону. Она сказала, что ее работа тогда была достаточно продвинута (у нее есть большая папка). Но сейчас она от нее совсем отошла, никак на нее не претендует, спокойно Вам ее уступает и готова поделиться своими материалами. Если они Вас интересуют, то можете ей написать. Желаю Вам всего самого хорошего. С искренним уважением. Всегда Ваша, И. Птушкина»

Далее сюжет развивался по своей логике:

«Глубокоуважаемая Нина Валерьяновна!

Автор этих строк — Леонид Генрихович Фризман. Хотя мне не довелось познакомиться с Вами лично, я давний и заинтересованный читатель Ваших работ. Возможно, и Вам попадалось что-то написанное мной.

Обращаюсь к Вам по рекомендации моего давнего близкого друга — Инны Григорьевны Птушкиной, от которой я узнал, что у Вас сохранились материалы Ваших прошлых занятий «Марфой» Погодина и что Вы согласны поделиться ими со мной. Если так, мы могли бы договориться об организационной стороне этого дела. Но в предварительном порядке считаю необходимым уведомить Вас о двух вещах.

1. Во всех случаях, когда мной будет что-либо использовано, будет дана благодарственная ссылка на Ваше участие и содействия. Точная форма будет с Вами согласована.

2. Пересылки таких вещей по почте в наше время очень дороги. Вы можете быть совершенно уверены, что все расходы будут Вам компенсированы. Если не случится оказии в ближайшее время, то в октябре я приеду на конференцию в ИМЛИ, и тогда, как я надеюсь, наше эпистолярное общение продолжится личным

С глубоким уважением и низким поклоном, искренне Ваш Л. Фризман»

Конечно, такое обращение не осталось без ответа:

«Глубокоуважаемый Леонид Генрихович, мне Инна Григорьевна рассказала о Вашей заявке на «Марфу Посадницу», и я очень рада, что именно Вы подготовите эту книгу. А что касается моего участия в Ва-

шей работе, — боюсь, что это нереально. Конечно, я постараюсь найти папки с подготовительными материалами по «Марфе», но после моих трех переездов мне не просто будет найти эти папки. Я начала эту работу, когда в ЛГИТМиК писала книгу «Декабристы и театр» и в Пушкинском доме статьи о Тютчеве. Да, и еще об общественном движении и театре в России первой половины XIX века. Но это было так давно. Потом уже в Москве я оказалась в ИМЛИ — сначала в отделе «серебряного века», потом издавала Ахматову, сейчас занимаюсь XX веком, авангардом — то есть Маяковским и портретами поэтов и прозаиков XX века...

Поэтому вернуться к Погодину мне не просто. Даже чисто физически. Но — папки поищу. И буду рада познакомиться с Вами лично. Всего Вам доброго. Нина Валериановна Королева».

Тем временем, не дожидаясь формального решения редколлегии, Л.Г. вовсю включился в работу:

«Дорогой Костя. Поищи, пожалуйста, место публикации статьи Ф. Я. Приймы «Тема «Новгородской свободы» в русской литературе». Какой-то сборник, не то «На путях...», не то «На пути...»

Суп состоялся, детали по телефону».

«Дорогой Леонид Генрихович, итак,

1) Прийма Ф. Я. Тема «новгородской свободы» в русской литературе конца XVIII — начала XIX в. // На путях к романтизму. Сб. научных трудов. Отв. ред. Ф. Я. Прийма. Л.: Наука, 1984. С. 100—138.

2) Очень рад, желаю Вам отменного аппетита!»

В этом письме — весь Л. Г. Накануне мы с ним обсуждали рецепт супа из фасоли, и он, гордый своим успехом, не преминул поделиться им со мной. Мы никогда не пренебрегали обыденными вещами, говоря о делах серьезных...

Между тем, ученый секретарь редколлегии, с которой мы затем переписывались регулярно, отозвалась на подачу заявки:

«Дорогой Леонид Генрихович, рада получить Вашу заявку на подготовку «Марфы, посадницы новгородской». Регистрирую ее за номером 02 (639) /2013.

В последнее время редколлегия обязательно запрашивает образцы примечаний и статьи (вместо статьи можно прислать список публикаций участников проекта по указанной в заявке теме). Если эти материалы отсутствуют, то обсуждение заявки обычно переносится на другое заседание – а они бывают лишь 2 раза в год!

Очередное наше заседание, вероятнее всего, состоится в самом конце мая – поэтому времени для создания образцов вполне достаточно.

С поклоном из Москвы, Е. Халтрин-Халтурина».

Это был поворотный момент в работе над книгой.

«Дорогой Костя, пересылаю выписку. Считаю ее тональность очень хорошей, высказанное „пожелание“ мы и без них решили выполнять. По предварительной договоренности я надеюсь в четверг вынести из Короленко Жандра, так что мы могли бы назначить встречу на выходные. Но подтвердить это нужно в четверг. Я, конечно, смогу поддержать книгу сколько понадобится, так что если тебе эти выходные неудобны, можно увидеться и позднее. Но когда бы ты ни пришел, будь готов потратить минут двадцать на консультацию по компьютерным делам, если ты сможешь мне такую дать. До связи!»

«Дорогой Леонид Генрихович! Выписку я тоже получил и оценил ее, как и Вы, положительно. Готов копировать Жандра в любой из выходных дней, так что можно спокойно договариваться о выдаче книги. О точном времени встречи договоримся, я думаю, в пятницу.

Также рад Вам сообщить, что все тексты из Питера получены, я как раз сейчас занимаюсь их обработкой. Книги Хетсо в РНБ, увы, нет».

Мы работали быстро. В июле я сообщал:

«Высылаю первые питерские материалы: пьесу Ковалевского в том виде, как мне ее прислала наша помощница (16 стр.) и мою переработку для книги (8 стр., меньше не получилось). Я недооценивал фантазию драматургов – здесь Марфа показана с еще не известной нам стороны».

«В наш век можем читать „Русскую старину“ не выходя

НАУЧНО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ «ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ» РАН

117997 Москва 485, ГСП-7 • Профсоюзная ул., 90, комн. 412 • Тел. (495) 333-8284
дополнительный адрес секретариата: 121069, Москва, Г-69, Поварская, 25а, ИМЛИ РАН, Телефон 690-50-30 Факс 609-95-16

ЛП-М-№ 33
01 июля 2013 г.

Подготовителям литературного памятника
«М.П. Погодин. Марфа, Посадница Новгородская...»

Выписка из протокола
заседания Редакционной коллегии
серии «Литературные памятники» РАН,
состоявшегося 28 мая 2013 г. в ИМЛИ РАН

Слушали:

III. Рассмотрение новых заявок

III.4. М.П. Погодин. Марфа, Посадница Новгородская. Общий объем ок. 30 а.л.
Подготовители: Леонид Генрихович Фризман (доктор филологических наук, профессор, Харьков), Константин Витальевич Бондарь (кандидат филологических наук, доцент, Харьков). Номер заявки 02(639)/2013.

Из обсуждений: эта позиция в наших планах была еще с 1980-х годов, готовить книгу должна была Нина Валериановна Королёва. С ней связались, спросили, собирается ли она этим заниматься. Она готова эту заявку уступить. Что касается подготовителей, мы можем вполне положиться на Л.Г. Фризмана. Смушает соотношение основного текста и «Дополнений» (очень объемные: 16 текстов с тем же сюжетом).

Решение: принять заявку на подготовку рукописи «**М.П. Погодин. Марфа, Посадница Новгородская**» (подгот. Л.Г. Фризман, К.В. Бондарь) для серии «ЛП». Отв. редактором утвердить И.Г. Птушкину.

Утвержденный протокол подписали:

Председатель Редакционной коллегии
серии «Литературные памятники» РАН
академик РАН А.Б. Куделин
Уч. секретарь Редколлегии,
д/н Е.В. Халтрин-Халтурина.

Выписка верна и зарегистрирована
в секретариате Редколлегии 01.07.2013

Ученый секретарь Редакционной коллегии
серии «Литературные памятники» РАН,
д/н Е.В. Халтрин-Халтурина
elenahaltrin@yandex.ru

из дома! Вот письмо Жуковского к Ковалевскому: ни слова о драме! В интернете тоже нигде ничего, кроме одной строки об этой пьесе, которую мы нашли в Словаре писателей».

«Спасибо, дорогой! Если ты думаешь, что я не использую это письмо в своей статье, то ошибаешься!»

Наконец, после двух месяцев интенсивной работы, в конце сентября Л.Г. рапортовал в редколлегию:

«Дорогой Всеволод Евгеньевич! Памятуя о Вашем сочувственном отношении к моим делам, хотел бы проинформировать Вас об их нынешнем состоянии. «Марфа» готова. В ближайшее время я отошлю ее Инне Григорьевне на предварительный просмотр, а в 20-х числа октября официально сдам Елене Владимировне.

Опасения редколлегии относительно большого объема «Дополнений» в процессе работы отпали сами собой: они получились не 13 л., а 6,5. Общий объем книги ужасался до 16,5: памятник – 4, дополнения – 6,5, моя статья – 5, примечания – 1. Мы подобрали и тетрадку иллюстраций, так сказать, – образ Марфы в изобразительном искусстве. Содержание книги и список иллюстраций (не окончательный!) цепляю.

Не хочу расставаться и с Булгариным, надеюсь выпустить книгу «Булгарин и евреи». Замысел активно поддержали два главных специалиста по теме: А. Рейтблат и М. Вайскопф. Остался «пустячок»: найти фонд, который помог бы финансировать издание, этим я сейчас занимаюсь.

Низко Вам кланяюсь и шлю добрые пожелания Вам и Вашей супруге. Неизменно Ваш Л. Фризман»

«Дорогой Леонид Генрихович!

Поскольку «памятником» у Вас является не «вечный образ» (как Легенда о Фаусте или Тристан и Изольда, ранее изданные в Памятниках), а конкретное произведение, то состав и объем Дополнений, который Вы сейчас прислали, мне кажутся более убедительными. Ждем. Привет Вам от Наташи, Ваш В. Багно»

Письмо ученого секретаря, отправленное на завершающем этапе подготовки, читается как финальный аккорд:

«Глубокоуважаемый Леонид Генрихович, конец года – пора составления издательских планов на 2014 – начало 2015 года. Поэтому мы ориентировочно уже включили Вашу рукопись (Марфа, Посадница Новгородская) в редакционно-издательский план редколлегии и передали этот план в «Науку». Срок сдачи рукописи – согласно

очереди – IV квартал 2014 года. Это просто информация Вам и Константину Витальевичу Бондарю на заметку: перспективное планирование – есть перспективное планирование.

Тем временем Инна Григорьевна спокойно – и, как всегда, очень добросовестно – дочитает рукопись до конца, вы вместе всё обсудите, как лучше. Рукопись мы будем рассматривать на весеннем заседании (обычно это май месяц).

Что касается Чичибабина, то вчера его должны были подписать в типографию!!!

С поклоном из Москвы, с неизменным уважением, Е. Халтрин-Халтурина»

Книга вышла в свет в самом конце 2014, но помечена уже следующим годом. После текста драмы, сопроводительной статьи и «Дополнений», перед «Примечаниями», мы поместили следующее пояснение:

«Текст памятника воспроизводится по единственному прижизненному изданию, осуществленному Погодиным в 1831 г., с устранением цензурных искажений, сделанным М. Н. Виролайнен в подготовленном ею сборнике: Погодин М. П. Повести. Драма. М., 1984. Нами также учтены сведения, содержащиеся в примечаниях.

Большую часть раздела «Дополнения» занимают фрагменты романов и пьес, которыми отмечена более чем полуторавековая история темы Марфы Посадницы в русской литературе. Поскольку все или почти все эти произведения в наши дни полузабыты или даже совсем неизвестны, им в каждом случае предпослано краткое изложение содержания соответствующей вещи. Мы стремились отбирать преимущественно те фрагменты произведений, в которых центральное место занимает Марфа и которые, с одной стороны, дают материал для сопоставлений с трактовкой ее образа в драме Погодина, с другой – помогают читателю глубже и правильнее понять анализ эволюции данной темы, содержащийся в сопроводительной статье.

В 2001–2003 гг. аспирантка Л. Г. Фризмана Е. Е. Жукова работала над диссертацией «Историческая драматургия Погодина», которая не была завершена, но некоторые собранные тогда ма-

териалы сохранились и были нами использованы. Подготовители также получали помощь от своих коллег: профессор Новгородского университета В. А. Кошелев составил для нас обширный перечень художественных произведений на «новгородскую» тему, который был дополнен ценными рекомендациями А. И. Рейтблата. В библиотечных разысканиях и подготовке материалов для раздела «Дополнения» нам помогала А. Е. Болгова.

Общий вывод, которым Л.Г. закончил свою статью, был лаконичным и исчерпывающим.

«Самое примечательное в истории рассмотренной нами темы — это ее богатство. Прав оказался Карамзин, когда еще в 1803 г. причислил Марфу Посадницу к „великим россиянкам“. Вдохновенные усилия стольких и таких разных писателей подтверждают прозорливость его суждения, обернувшегося пророчеством. Нельзя не заметить и того, что особенно охотно тянулись к воплощению образа Марфы драматурги. Трудно назвать другую тему, в отношении которой наблюдалось бы такое настойчивое стремление разрабатывать ее именно средствами сценического искусства. Трагедия Погодина была не первой пьесой о Марфе, но оказалась первой по художественному мастерству и историко-литературному значению».

В ходе работы над текстами для раздела «Дополнения» в фокусе нашего внимания оказалась пьеса И. Н. Явленского, писавшего в 1880-е годы. У его «Марфы» было много предшественников, и после Явленского тема не была исчерпана. Однако биография и небогатое литературное наследие этого автора привлекло наше внимание.

Сначала Л. Г. в своей статье предложил анализ его драмы.

«В том же году, что и роман Мордовцева (1882 – К.Б.), была опубликована драма И. Н. Явленского «Марфа Посадница». Пьеса открывается беседой новгородских посадников, которые считают, что свобода их города под угрозой из-за вероятного

нападения Москвы, а также потому, что к Марфе чересчур «привязалась Литва», преследующая свои интересы. Один из посадников, Михаил, в отличие от двух других, считает, что переход Новгорода под власть Москвы был бы для него благом и пишет царю донос, где живописует «гордыню Борецкую», которая, дескать, «мутит» новгородцев и сбивает их с верного пути.

Следующая сцена – вече, воссозданное таким, каким мы видели его в повести Карамзина. Сначала выступает посланник Иоанна Холмский, убеждающий собравшихся, что им одно осталось:

Свои восторги с нами слить
И чтоб сумятица унялась –
На трон Иоанна пригласить!
И будет он, как царь наш славный,
На всей Руси один царить –
И весь народ наш православный –
Одной любовью дарить!¹

Иначе, «обложив ваш город войском, / пощады больше не дадим; / Огню, мечу все предадим». Вслед за ним выступает Марфа, незыблемая поборница свободы Новгорода, и всей силой своего красноречия пытается вдохновить народ на борьбу:

Мечи у нас еще не ржавы,
Сомкнем дружин богатый хор,
И вспомним годы нашей славы,
Врагу покажем светлый взор!..
Мы троны ставить разучились
И рабски спин уже не гнем:
В свободе выросли, родились,
В свободе с радостью умрем!..²

¹ Явленский И. Н. Драмы, комедия и поэмы. М., 1882, с. 60.

Холмский не устает превозносить достоинства Иоанна:

Не ту бы песенку вы пели,
Когда б наш князь был вам знаком:
Пред ним бы вы благоговели,
Своим считали бы отцом!..
Его души движенья — святы,
Он для народа сам живет,
Его и мысли так богаты,
Что он в восторг всех приведет!
Его мечты, дела, улыбки
Любовью полною горят;
Восторги наши без ошибки
Потомство станет повторять!..³

Марфа готова согласиться с восхвалениями Иоанна, даже с тем, что «князь ваш чуть не из святых»,

Но жалко нам, что в дело наше
Угрозы стали посылать
И то, что нам всего то краше,
Хотят насилием отнять!..
Нет, нет, в свободе мы родились,
Всосали волю с первых дней
И нам правленья не привились
Чужих ни княжеств, ни царей!..⁴

Холмский, и не ждавший другого ответа, перед тем как покинуть вече, еще раз укоряет Марфу в том, что она грезит о временах, давно канувших в прошлое: «край с свободой вековой / Вам никогда не возвратить!»

Очень важен для характеристики Марфы ее диалог с Сапе-

² Там же, с. 61.

³ Там же, с. 62–63.

⁴ Там же, с. 63.

гой, послом польского короля и литовского князя Казимира. Хитрый литовец начинает с того, что льстит Марфе, говорит, что ее «считая женщиной прелестной, / Давно царицей нарекли», что ее «величье, доблесть, слава / Горят, как яркий бриллиант!...» Но лесть не достигает цели:

Такие мелкие забавы
Души моей не веселят!
Я званье гражданки считаю
Превыше царств всех и царей;
И воли, нет, не променяю
На все блаженство ваших дней!¹

На просьбу Марфы о «подмоге» Сапега отвечает, что она будет оказана лишь «если Новгород согласен / Признать власть Польши над собой» и навсегда отдаться под власть короля. Это предложение вызывает у Марфы взрыв негодования:

Я не ждала от Казимира,
Что он предложит нам позор,
На посмеянье всего мира!..
Так дружба Польши чистый вздор?..
<...>
В душе кто рабство презирает
И только в воле видит свет,
Тем Польша цепи предлагает?
Хорош ваш дружеский привет!²

Сапега надеялся убедить гордую посадницу, что Польша «не даст Новгороду цепей», а подлинная беда грозит со стороны Москвы, которая нанесет ему неизлечимую рану. Но вот какой он получил ответ:

¹ Там же, с. 82.

² Там же, с. 82–83.

Уж если небу так угодно,
Чтоб мы признали над собой
Чужую власть, то мы свободно
Москве вручим наш жребий злой!
<...>
Скорей под пеплом наших храмов
Свои остатки погребем,
Чем вашей Польши гадких хамов
Владеть собою призовем.
Ступай же с глаз моих скорее
Ты королевская змея...
Еще увидим, кто сильнее,
Иль ты, иль родина моя!..¹

В третьем действии появляется Иоанн, и становится очевидно, что он, как и Марфа, положительный герой. Характеристика, которую дал ему Холмский в своем выступлении на вече, оправдывается. Он справедлив: Михаила, который написал ему донос, а в разгар боя всячески мешал новгородцам, чтобы облегчить наступление московскому войску, Иоанн не только не награждает, а приказывает выслать. О Марфе же, самой непримиримой своей противнице, отзывается с явным уважением:

С одной Борецкою неволью
Придется лично говорить;
А грустно будет мне и больно
Ее упреками дарить!..
Она хоть женщина, но право,
Как патриотка, высока!..
И отнеслася мило, здраво
За честь родного уголка!
<...>

¹ Там же, с. 83, 84.

Да кто из нас-то без порока?
Я ей простил уже душой
А если дам два-три упрека,
То за сближение с Литвой!..¹

Как мы знаем, как раз таких упреков Марфа не заслуживала: она гневно отказывалась подчиниться «Польши гадким хамам». Но и власти Иоанна она признавать не хочет:

Нет, нет! Верна я, неизменна
И, как гранит, мой тверд ответ:
Что только воля мне бесценна,
Без ней и счастья в жизни нет!²

Поставленная перед выбором: признать власть московского князя или быть преданной «на монастырское моленье», Марфа пытается покончить с собой, заколовшись ножом, но «один из опричников схватывает ее руку и нож выпадает на пол». Перед тем, как быть уведенной, она говорит:

И умереть-то мне мешают!
Да жизнь мне также кандалы!..
Свободы, родины лишают,
Так будут ли мне дни милы?
Прощай мой сын, моя отрада,
Сумей Борецким кончить век;
Нас в небе ждет, мой друг, награда –
А здесь же жалок человек!..³

Художественный уровень драмы Явленского, конечно, удручающе убог, но нельзя не видеть, что он приложил все мыслимые усилия, чтобы идеализировать свою героиню».

¹ Там же, с. 108.

² Там же, с. 115.

³ Там же, с. 119.

Затем забытый писатель стал героем статьи, подготовленной мною для последнего, 7-го тома словаря «Русские писатели. 1800–1917». Таким образом, имя Явленского оказалось не просто случайным открытием, побочным продуктом работы над темой Марфы-посадницы. Написанное им подтверждает одну из главных идей Фризмана: литература – это не цепь вершин, состоящих из имен первой величины. Это множество писателей второго и третьего ряда, создающих «вещество» литературы. Неизвестно, сколько читателей было у Явленского при жизни. Но спустя сто тридцать лет его пьесу прочли мы. И уже поэтому стоит завершить очерк о «романе с Марфой» историко-литературным этюдом о нем.

ИВАН НИКИФОРОВИЧ ЯВЛЕНСКИЙ

Храбрый воин, прилежный чиновник, добрый товарищ и поэт со скромным дарованием – таков был Иван Явленский (1824 – после 1891), представитель известной семьи, из которой вышли его брат, полковник Георгий Явленский, и племянники – Сергей, генерал, Дмитрий, псковский губернатор, и Алексей, знаменитый русско-немецкий художник-экспрессионист.

Воинский жребий братьев Явленских был предопределен их рождением в семье военного врача, старшего лекаря Тифлисского военного госпиталя. Иван воспитывался в Дворянском полку и был выпущен прапорщиком; служил в Черноморском линейном батальоне, затем в Эриванском карабинерном полку; участвовал в боях Кавказской войны, за отличия в сражениях повышен в чине до подпоручика, поручика, а уволен со службы штабс-капитаном¹. В 1891 г. отставной офицер впервые явился на встречу выпускников Дворянского полка (в ту пору – Константиновского военного училища) по случаю празднования его

¹ РГВИА, ф. 400. оп. 9. д. 10233. л. 7–35; Марков А. С. Неизвестная фотография Ивана Явленского // *Волга*. Общественно-политическая газета

И. Н. Явленский

84-й годовщины. Об этом событии упомянула «Русская старина» и поместила «от сердца вылившееся стихотворение» «Друзьям», которое Явленский, выпускник 1844 г., прочел на празднике:

Астраханской обл. №172 (26431). 22.11.2013.

Друзья мои! Почти полвека
В среде я вашей не бывал
И жизнь мою, как жизнь абрека,
Родному краю посвящал!

<...>

И вот теперь рассадник света,
Науки, жизни, добрых дел
Услышит пусть слова привета
Того, кто в жизни уцелел!..¹

Выйдя в отставку, Явленский жил в Астрахани, где служил столоначальником казенной палаты по соляному отделению; чиновником по особым поручениям астраханского генерал-губернатора; управляющим заведениями «Братья Сапожниковы»; уездным и губернским предводителем дворянства. Дослужился он до надворного советника, был кавалером орденов Анны, Станислава, Владимира². Этот послужной список сопровождался одним из сильнейших человеческих и литературных переживаний Явленского: в августе-сентябре 1857 г. он провел несколько недель в обществе Тараса Шевченко. Познакомились они в Астрахани, где поэт остановился проездом из ссылки, а сблизило их совместное путешествие по Волге до Нижнего Новгорода на пароходе «Князь Пожарский»³. Пароход отплыл из Астрахани в самом конце августа, а 3 сентября в журнале Шевченко появился автограф: «*Не забывайте любящего вас И. Явленского*»⁴. Тарас Григорьевич несколько

¹ Русская Старина. 1891. LXX, 4. С. 258–259.

² Николаев К. А. Дворянская летопись, составленная из дел Астраханского дворянского депутатского собрания. Астрахань, 1902; Попов В. И., Травушкин И. С. Астрахань – край литературный. Астрахань, 1968; История Астраханского края. Астрахань, 2000.

³ Большаков Л. Н. «Все он изведаль...» Тарас Шевченко: поиски и находки. Киев, 1988; Большаков Л. Н. Оренбургская шевченковская энциклопедия. Оренбург, 1997.

раз упоминает попутчика в своем дневнике, который он вел по-русски:

«6 сентября. В 10 часов утра „Князь Пожарский“ бросил якорь у набережной Самары. Издали эта первой гильдии отроковица весьма и даже весьма живописна. Я вышел на берег и пошел взглянуть на эту чопорную юную купчиху. На улице попался мне И. Явленский, и мы сообща пустились созерцать город. Ровный, гладкий, набеленный, нафабранный, до тошноты однообразный город <...> Огромнейшая хлебная пристань на Волге, приволжский Новый Орлеан. И нет порядочного трактира. О, Русь!»

«8 сентября. <...> Я рассчитывал, что казенные сапожные сапоги послужат мне по крайней мере до Москвы, а они и до Симбирска не дотянули, изменили, проклятые, то бишь казенные. Иван Никифорович Явленский заметил этот ущерб в моем весьма нещегоольском костюме и предложил мне свои сапоги из чисел запасных, за что я ему сердечно благодарен. Сапоги его пришлись мне по ноге, и я теперь щеголяю почти в новых сапогах, вдобавок на высоких каблучках, что мне не совсем нравится, но дареному коню в зубы не смотрят»

«18 сентября. Спасибо Ив. Никиф. Явленскому за то, что он отказался от завтрака и помог мне кончить превосходное прелюдие к превосходнейшему стихотворению, которое я, если Бог поможет, напишу завтра»

и наконец, «21 сентября. <...> После обеда проводил моих добрых, милых спутников <...> и простился с ними. Они в почтовых каретах отправились в Москву <...> Просил Комаровского и Явленского цаловать в Москве моего старого друга М. С. Щепкина...»⁵

Иван Никифорович хорошо понимал, с кем он повстречался, и его цепкая память спустя десятилетия хранила подробности недолгого знакомства. Много лет спустя астраханский чиновник

⁴ Шевченко Т. Собрание сочинений в 6 т. Киев: АН УССР, 1964. Т. 5. С. 116.

⁵ Там же. С. 119–136.

составил «Заметку о Шевченке Тарасе Григорьевиче», сохранившуюся в архиве «Русской старины» как краткое пояснение к рисункам Шевченко, переданным журналу, но не попавшим в печать¹. Страсть к сочинительству побуждала Явленского пробовать свои силы в разных родах и жанрах и придавала ему оптимизм. Здоровое жизнелюбие его строк подтверждает это:

За все, за все судьбе спасибо!
За массу горьких в жизни дней,
За боевую жизнь наиба,
За счастье в обществе друзей!
За все восторги и страданья,
Судьбе я шлю всегда привет
И за любовь, за упование —
В святой родительский завет!
Ну, словом, нет еще момента,
Когда бы я на жизнь роптал —
И говорю без комплимента,
Судьбу бы я расцеловал!..²

Но стоило ли вспоминать поэта-дилетанта, если бы он отличился только храбростью офицера или товарищеским отношением к опальному поэту?.. Но Явленский страстно желал послужить на ниве литературы, что ему в некотором смысле удалось. Литературное наследие Явленского невелико по объему, но многопланово и разножанрово. Он выпустил две книги, и нелегко назвать жанр, в котором он не попробовал свои силы: путевые очерки, поэма, либретто, бытовая и историческая драма.

В книге очерков «От Астрахани до Астрабада»³, изданной в 1871 г. с подзаголовком «путевые впечатления», Явленский описывает путешествие по Каспию от Астрахани через Тарки,

¹ РО ИРЛИ РАН, ф. 265, оп. 2, д. 3086.

² РО ИРЛИ РАН, ф. 274. оп. 1. д. 399. л. 162–162 об.

³ Явленский И. Н. От Астрахани до Астрабада. Астрахань, 1871; Мар-

Дербент, Апшерон, Баку, Ленкорань и ряд мелких населенных пунктов до северного побережья Персии — Энзели и Астрабада (Горгана). Непосредственные наблюдения, переплетающиеся с историческими, этнографическими, мифологическими, экономическими и политическими отступлениями, составляют основу композиции. Внешнеполитические интересы России во второй половине XIX в. обращаются к южному Прикаспию: этим обстоятельством, вероятно, объясняется актуальность и самого вояжа, и вышедшей затем книги.

В 1882 г. в Москве увидел свет сборник, состоящий из четырех пьес и одной поэмы, с незамысловатым заглавием «Драмы, комедия и поэма»⁴.

В первой пьесе «Кто виноват?», которую можно отнести к школе бытовой драмы, довольно откровенно изложены семейные недоразумения племянницы Явленского Сапожниковой и ее мужа, крупного промышленника. Действие происходит в вымышленном провинциальном городке Турске и в Москве, в семье Тиховых — торговца и его жены, некогда состоятельных, но теперь обедневших. Поправить пошатнувшиеся дела взялся поверенный Хитров, у которого завязывается роман с хозяйкой дома. Злоупотребления поверенного и измена Тиховой открываются, и та кончает с собой, бросившись под поезд⁵.

Историческая драма «Марфа-Посадница» принадлежит почтенной традиции драматургического воплощения образа «великой россиянки», сложившейся к тому моменту в русской литературе⁶. Общие очертания обрисованных в ней событий привычны, но кое-какие акценты автор расставляет по-своему⁷.

ков А. С. Редкие астраханские издания // Альманах библиофила. М., 1989. Вып. 25.

⁴ Явленский И. Н. Драмы, комедия и поэма. Москва: Тип. Вильде, 1882.

⁵ Там же. С. 1—50.

Исторический сюжет лежит и в основе оперного либретто «Тамара царица Грузии», однако конфликт в нем вымышленный и решен в ключе «роковой страсти»: жестокая красавица Тамара покорена юношей Ростомом, сыном ее приближенного, князя Мамука. Пока князь отбивает атаки персов, царица предается любовным утехам. Узнав же, что у Ростомыча есть невеста, она коварно приказывает сбросить его в пропасть. Мамук узнает о случившемся, но Тамару настигает божья кара – ее убивает удар молнии⁸.

Пьесе «Типы века» можно отнести к комедии нравов: расчетливая Ольга мечтает выйти замуж за богача Штукина, но влюблена в офицера Радугина, который, в свою очередь, мечтает получить не столько ее, сколько ее деньги. Во время совместной поездки с Ольгой за границу Радугин, потратив значительные средства, кончает самоубийством, а ничуть не изменившая характер Ольга остается со Штукиным⁹.

Единственная поэма в сборнике – «Без заглавия» – состоит из трех глав и относится к «петербургским» текстам; ее сюжет – несчастная любовь Надиной к Приволгину, приводящая героиню к гибели¹⁰.

О жизненной драме автора в дальнейшем, после выхода в свет его книги, известно мало. В одном из пяти альбомов М. Семевского, издателя «Русской старины», сохранилась датированная 1891 г. автобиография Явленского, в которой он писал: «...в настоящее время в отставке, живу отставным, читая и вспоминая всю русскую старину...»

⁶ Фризман Л. Г. Марфа-посадница в русской литературе // Известия РАН, Серия литературы и языка. 2014. Т. 73. №2. С. 20–33.

⁷ Явленский И. Н. Драмы, комедия и поэма. С. 51–122.

⁸ Там же. С. 123–166.

⁹ Там же. С. 167–238.

¹⁰ Там же. С. 239–285.

Л. Г. Фризман в день своего 80-летия. Харьков, 2015

ИНСКРИПТЫ И КОММЕНТАРИИ

*Эту книгу мне когда-то
В коридоре Госиздата
Подарил один поэт...*

Арсений Тарковский

Имя «Фризман» я услышал задолго до нашей первой встречи. Дело в том, что Вера Марковна Бондарь, моя бабушка, товаровед художественной литературы Харьковского облкниготорга, была знакома со многими харьковскими писателями, филологами, людьми из театрального мира (думаю, нет нужды напоминать читателям, что в те времена книги были дефицитом, и бабушка помогала их «доставать»). В свою очередь и я приобщился к известным именам, разговорам на литературные и околотитературные темы и умению разбираться в книгах. Постоянно в нашем доме появлялись книги с автографами. Среди них достаточно рано я прочитал дарственную надпись на томике Баратынского в малой серии «Литературных памятников» и на книжке с загадочным и почему-то казавшимся волшебным названием «Северные цветы». Л.Г. не бывал у нас дома, но имя его звучало часто. Можно сказать, что я его знаю с детства, хотя наши дружеские отношения завязались лишь в 2006 г.

Будучи студентом-филологом в государственном, а не педагогическом университете, я не учился у профессора Фризмана, но у нас с ним было несколько неожиданных встреч во время прогулок с бабушкой и дедушкой в городском парке. Запомнились вскользь брошенные замечания и анекдоты, разговоры о новой книге (Л.Г. писал тогда «С чем рифмуется слово «истина...», о поэзии А. Галича).

И лишь защитив диплом, пройдя через аспирантуру, учебу в магистратуре в Москве, смену специальности и направления исследований, я решился обратиться к человеку из моей юности, в котором я был уверен. Обычным июньским днем я набрал номер его телефона, и состоялся разговор, определивший мое будущее. Вскоре мы встретились и познакомились уже по-настоящему. Через полтора года под руководством Л.Г. я успешно защитил кандидатскую диссертацию. Затем большой школой стала для меня совместная с ним работа над изданием «Марфы, посадницы Новгородской». Считается, что мужчины разных поколений могут быть друзьями, потому что их объединяют интересы дела. Такая дружба рождает радость взаимопонимания, дарит минуты истинного наслаждения общением.

Сегодня в моей библиотеке хранится полтора десятка книг Л.Г. с инскриптами. Расположенные в хронологическом порядке, они представляют собой фрагмент летописи творческой жизни ученого и в то же время летопись нашей дружбы, с ее давними истоками.

Самый ранний из инскриптов читается на томике «Е. А. Баратынский. Стихотворения. Поэмы», изданном в серии «Литературные памятники»:

«Глубокоуважаемой Вере Марковне на добрую память и с наилучшими пожеланиями составителя. 2.3.83. Л. Фризман».

Помощь, оказанная составителю в получении достаточного количества авторских экземпляров из центрального издательства, и была причиной появления этой надписи. Эта услуга была не единственной, и деловые отношения между именитым ученым и скромной труженицей книжной отрасли начались задолго до выхода Баратынского в свет.

Надо сказать, что Л.Г. высоко ценил добрые услуги и, охотно делавший добро другим, никогда не забывал тех людей, что ему помогали или просто были к нему хорошо расположены. И это сыграло свою роль в начале наших контактов, становившихся с каждым годом все интенсивнее. В тот день, когда я впервые пришел к нему домой, он вручил мне книгу «Предварительные

итоги» – сборник избранных статей, вышедший незадолго перед тем к его 70-летию, подписав ее так:

«В день знакомства и с надеждой на будущее сотрудничество автор 10.09.06».

Эта надпись не персонифицирована – я не был еще чем-то отмечен в глазах старшего коллеги; я был материалом, которому только предстояло обрести форму. Но как бы то ни было, так вышло, что «предварительные итоги» стали началом нового этапа моей жизни.

Наш совместный проект стремительно развивался; все трудности и бюрократические препятствия, искусно расставляемые чиновниками от науки на пути соискателя, я преодолевал с помощью опытного лоцмана, и на одном из последних этапов, когда в ходе очередной встречи и длительной беседы (профессор называл такие разговоры «бросанием шариков») мы согласовали окончательное название диссертации, я получил книжку «Жизнь лирического жанра» с лаконичным автографом:

«Дорогому Косте в память о встрече 1 июля 2007 г. Л. Фризмана»

Автограф, таким образом, точно датирует рождение емкого и содержательного титула, являющегося, без сомнения, одним из самых удачных элементов моей работы. Нельзя не увидеть здесь выразительной параллели: готовящемуся к защите кандидатской ученику попадает в руки монография научного руководителя, подготовленная им в свое время к защите докторской.

Отныне инскрипты становились именными, а подписи под ними делались все менее формальными.

А в тот памятный день, когда я выслушал единодушное решение совета, когда после всех волнений и тревог, с чувством усталости и облегчения одновременно я попросил профессора Фризмана отметить успешную защиту надписью на его «Семинарии по Пушкину», Л.Г. взял время на раздумья и вернул мне книгу с экспромтом:

*«На 11 декабря 2007 г.
День победы наступает,
Торжество несет нам он.
С нами вместе отмечает
Его мудрый Соломон!»*

Диссертация «Древнерусские повести Соломонова цикла: источники, текстология, проблематика, поэтика» стала одной из немногих в послужном списке Фризмана, связанных с древнерусской тематикой, и уж точно единственной в своем еврейско-славянском аспекте. Любивший учиться у других – верный признак выдающегося ума – он охотно с моей помощью наверстывал упущенное за годы замалчивания еврейской темы. Несколько лет спустя он решился в ней на самостоятельное плавание, в результате чего появилась «Такая судьба. Еврейская тема в русской литературе». И эта книга тоже не осталась без дарственной надписи.

Но обо всем по порядку. Хлопоты и торжества, связанные с защитой, остались позади. В 2008 г. я впервые задумался об издании Соломонова цикла повестей, бывших предметом моего изучения, но еще не определился с форматом и местом издания. По совету Л.Г. я подал заявку в серию «Литературные памятники», написав на этот счет подробное письмо Б. Ф. Егорову. В дни, когда шло обсуждение заявки, мое стремление получило поощрение в виде «Европейца» Киреевского – любимой книги Фризмана в «Литпамятниках». Журнал, прекращенный изданием на третьем номере в 1832 г., впервые в работе харьковского филолога был переиздан и прокомментирован.

«Дорогому Косте с пожеланием успеха его замыслов от подготовителя. Л. Фризман»

И теперь, раскрывая эту небольшую книжку, я вспоминаю о несбывшемся намерении, хотя книга о Соломоновом цикле впоследствии вышла и в престижной серии я поучаствовал. Тот послезащитный год, как теперь я понимаю, оглядываясь назад, был одним из счастливейших в моей жизни, когда все в ней, как

в фокусе, сложилось: ощущение своих сил и возможностей, подтверждение правильности выбранного пути, вознаграждение за труды и лишения, наслаждение тихими семейными радостями, предвкушение будущих свершений.

В том же году вышла в свет книга писем известных корреспондентов Фризмана к нему. Расположенные в соответствии с перипетиями его извилистого научного пути, они дают представление о трудностях, разочарованиях и победах, о человеческих и профессиональных качествах многочисленных коллег и друзей. Книга называется «Это было жизнь тому назад...» Она по-своему неповторима. «Кто, — спрашивал риторически Л.Г., — может запросто достать из письменного стола письмо Лихачева, Лотмана, Твардовского?» И все эти письма, а также множество других, отправленных корифеями литературоведения по разным поводам, впервые опубликованы в этой книге. Ее выход стал для меня неожиданностью, и тем приятнее было получить ее с таким инскриптом:

«Дорогому Косте Бондарю на добрую память с давней и неизменной душевной приязнью от автора. 27.09.09. Л. Фризман»

А когда мы пять лет спустя подготовили к изданию погодинскую «Марфу, посадницу Новгородскую», автографы появились сразу на двух книгах: первая, с которой Леонид Фризман начал свое сотрудничество с «Литературными памятниками», — «Думы» Рылеева:

«В память встречи 16.02.14 и неизменной дружбы Л. Фризмана».

Второй был принесенный мною томик «Северных цветов на 1832 год», купленный у букиниста взамен утраченного экземпляра, в свое время подаренного составителем бабушке. И сегодня он хранится у меня таким:

«На добрую память — составитель Л. Фризман 16.02.14».

Широкий диапазон профессора Фризмана сказывался в том, с каким изяществом он брался за явления литературы разных эпох. Два десятилетия пристального внимания к поэзии харьковчанина Чичибабина завершились итоговым трудом — публи-

Дорогому верному другу
Косте Бондарю
с благодарностью за
сотрудничество
Л. Фризмана
16.03.14.

Автограф Л. Г. Фризмана

кацией тома «Чичибабин в стихах и прозе» в «Литературных памятниках». У этой книги была нелегкая судьба: готовилась она долго, и не раз ее издание срывалось. Благодаря творческому тандему — вдове поэта Л. Карась-Чичибабиной и Л. Фризмана — книга наконец увидела свет в самом конце 2013-го, а в начале следующего года, в условиях нараставшего в стране хаоса, я держал в руках экземпляр из тиража, переправленного через границу.

Я не участвовал в подготовке этого тома, но в своих словах старший коллега отмечал мою прежнюю помощь ему и словно предвидел будущие проекты. В самом деле, большие начинания — Чичибабин, Марфа-посадница — казалось, должны были поглощать целиком его внимание и силы, но в то же время он работал над книгой о Юлии Киме — первой книгой о барде. Служа в отделе редких изданий и рукописей научной библиотеки, я мог помогать учителю в библиографических разысканиях. Именно этим объясняется дарственная надпись на книге «Многообразие и своеобразие Юлия Кима»:

«Дорогому Косте Бондарю, верному другу, надежному сотруднику, неизменному помощнику во всех делах. Твой Л. Ф.».

Так же с тех пор он подписывал свои письма по электронной почте. Наверное, я был одним из первых, кому Л.Г. поведдал

о своей работе над еврейской темой и прислал начало будущей книги — главку о евреях у Пушкина. Через год книга была закончена:

«Дорогому другу Косте Бондарю с благодарностью за огромную помощь, оказанную автору этой книги. 27.02.15. Л. Фризмани».

Мне довелось выступить на презентации «Такой судьбы...» в апреле 2015 года, за месяц до отъезда из Харькова. Живя в Израиле, я продолжал общаться с Л.Г. и был осведомлен о его текущих делах и замыслах. В частности, я знал, что он готовит сборник воспоминаний, посвященных встречам с выдающимися филологами. В 2017-м этот том, «В кругах литературоведов», прибыл ко мне с оказией:

«Дорогому Косте Бондарю с крепнущими дружескими чувствами твой Л.Ф.»

Читать эту острую, местами весьма откровенную книгу было необычайно интересно. Словно не было за плечами автора восьмидесяти с лишним лет, и не прошли десятилетия после описываемых встреч. На склоне лет Л.Г. позволил себе высказать все без обиняков. Не раз я в восхищении отрывался от чтения, радуясь удачно найденному слову, точному образу, хлесткой характеристике. Расстояние, разделявшее нас, упрочивало незримую связь. Впервые учитель в своей мемуарной книге посвятил несколько строк и мне:

«Ярким и колоритным участником Чтений (*молодых ученых памяти Л. Лившица — К.Б.*) был мой ученик Костя Бондарь, в соавторстве с которым я выпустил в серии „Литературные памятники“ трагедию Погодина „Марфа, посадница Новгородская“, — писал Л.Г. — Его доклады неизменно слушались на пленарных заседаниях, и, по общему мнению, он рос от года к году. Политическая ситуация в стране подтолкнула его к эмиграции в Израиль, где он вскоре стал научным сотрудником Тель-Авивского университета»¹.

Последняя книга Фризмана — «Иван Франко. Взгляд на литературу», вышедшая в начале 2018 г., попала ко мне без дарственной надписи. Читая ее, я понимал, что не смогу как раньше

Л. Г. Фризман. В кругах литературоведов. Киев: Издательский дом Дмитрия Бурого, 2017

поделиться с учителем своими наблюдениями. Зная, что книга посвящена памяти покойного сына и что автор придавал этому труду большое значение, я всерьез разделял его опасение не увидеть книгу напечатанной. Но Л. Г. успел получить тираж, и в этом я вижу достойную награду его прочных заслуг.

Глядя теперь на полку с его книгами, я вспоминаю слова Лидии Гинзбург о том, что пишущий умирает, а написанное остается. Перечитывая адресованные мне слова, я знаю, что необыкновенно интенсивный и плодотворный отрезок моей жизни — эпоха Фризмана — остался позади. Но оставленный этой эпохой глубокий след не изгладится никогда.

¹ Фризман Л. Г. В кругах литературоведов. Киев, 2017. С. 300.

*Л. Г. Фризман на презентации книги
«В кругах литературоведов». Харьков, Чичибабин-центр, 2017*

ПИСЬМА ИЗДАЛЕКА

В последние три года, не имея возможности встречаться и вести долгие разговоры, как раньше, мы много переписывались. Из сотен длинных и кратких электронных писем сложился целый эпистолярный роман, избранные главы которого теперь, в этой книге, обретают вторую жизнь.

К. Бондарь – Л. Фризману, 24.09.2015

«Дорогой Леонид Генрихович! В день Вашего юбилея шлю Вам сердечные поздравления и добрые пожелания! Как жаль, что сегодня я не могу прийти к Вам, как в прошлые годы, пожать Вашу руку и обнять Вас. Будем считать, что я делаю это мысленно.

В ожидании нашей будущей встречи, когда бы она ни состоялась, я хочу с благодарностью и радостью вспомнить все годы нашего знакомства и дружбы, те неоспоримые достижения, к которым мы с Вами пришли – мою диссертацию и «Марфу», Вашу помощь и поддержку на всех этапах, вплоть до обретения работы в отделе редких книг. Всего этого мне теперь, конечно, не хватает. Как я говорил по разным поводам, в моей жизни было много удивительных событий и встреч. Одна из них – встреча с Вами. Ту роль, которую Вы сыграли в моей жизни, я могу сопоставить разве что с ролью моих деда и бабушки и директора Бориса Элькина – людей, чье влияние ощущается десятилетия.

Будьте здоровы и благополучны еще много лет! Я надеюсь на продолжение нашего общения, которое даже на расстоянии приносит мне большое наслаждение. Шлю привет всем, кто разделяет с Вами Ваш праздник».

«Спасибо, дорогой! Я тоже радуюсь нашей дружбе и сотрудничеству. Если можешь, перешли мне твою рецензию, как ты ее открыл на сайте „Времени“».

Л. Фризман – К. Бондарю, 30.09.2015

«Марфы прибыли. В Москву не дозвонился. До скорой связи».

«Хорошая новость! А сколько экземпляров? Я интересуюсь из соображений логистики – есть ли то, что можно передать мне, и кто бы в этом случае к Вам пришел за книгами. У меня есть несколько человек на примете. Когда Вы скажете, что можно приходить, я организую передачу».

К. Бондарь – Л. Фризмани, 28.10.2015

«Дорогой Леонид Генрихович! Рад Вам сообщить, что два из моих экземпляров Марфы наконец добрались до меня, а также «Сквозь литературу» и газеты. Юбилейный сборник просматриваю внимательно и многие места прочитываю подробно. Очень хорошая работа! Еще раз поздравляю Вас, университет, кафедру и Елену Анатольевну с таким прекрасным изданием.

Кроме того, мне наконец удалось выполнить давно назревшее поручение и передать Ваши книги Тане Лившиц¹. Я был гостем в доме ее и ее мужа, Бадри Азаза, пользовался их вниманием и гостеприимством и остался в полном восторге от этой встречи. Она просила передать Вам горячий привет. Ее жизнь интересна и насыщена, и я надеюсь, что смогу с ее помощью тоже познакомиться со многими здешними деятелями русской культуры».

«Дорогой Костя! Большое спасибо за информативное письмо и хорошие новости. Особенно обрадован тем, что ситуация в Таниной семье и здоровье Бадри очевидно улучшились. Ведь моя последняя информация была куда как тревожнее. Могу тебе

¹ Татьяна Львовна Лившиц – израильский фармаколог, эссеист, мемуарист. Дочь харьковского литературоведа Л. Я. Лившица. Организатор «Лившицких Чтений» в Харькове.

сообщить в ответ: твоя статья о нашем сборнике с небольшими сокращениями перепечатана в „Дайджест Е“, который выпускает Лариса Воловик¹ из Музея Холокоста. А Кормилов² организует на него рецензию в Вестнике МГУ. Я занимаюсь сейчас организацией выпуска моей харьковской книжки о Квитке. Пока все идет успешно Обнимаю. Пиши. Твой Л. Ф.»

К. Бондарь – Л. Фризману, 22.11.2015

«Дорогой Леонид Генрихович! Давно Вам не писал. Как Ваши дела? У меня все в порядке, сейчас интенсивно ищу работу в научной сфере, благо ученую степень здесь подтвердили и обещали финансовую поддержку. Не нашел только заинтересованного во мне профессора.

Насколько хорошо Вы знаете Владимира Хазана? Мне рекомендуют к нему обратиться, но я еще не искал пути к нему.

Псылаю Вам фото всей нашей семьи на фоне нашего дома. Будьте здоровы, до связи!»

Л. Фризман – К. Бондарю, 23.11.2015

«Дорогой Костя! Спасибо за письмо и фотографии. Рад твоим успехам и впечатлен ростом твоего сына. С Володей я знаком с конца 80-х, но виделись мы всего 2–3 раза, пересекаясь на конференциях. Когда я был в Израиле, он принимал меня очень сердечно, угощал, возил на своей машине. Мне кажется, что отношения у меня с ним близкие.

Очень вероятно, что в близком будущем у меня опять будет к тебе просьба. Дело в том, что моя книжка о Квитке (харьковская, а не «памятник») продвигается невероятно успешно. Еще недавно я прикидывал, где бы найти для нее спонсора, а сейчас

¹ Лариса Фалеевна Воловик (1939–2023) – директор Музея Холокоста в Харькове.

² Сергей Иванович Кормилов (1951–2020) – российский литературовед, коллега Л. Г. Фризмана.

за право ее издать борются два мощных издательских центра, один из которых «Фолио», причем оба декларируют согласия на любые мои условия и готовность выплатить любой названный мной гонорар. Не буду загружать твое внимание деталями, исход дела и подписание договора может состояться даже завтра. Книга, по моим планам, будет открываться предисловием под названием «Об авторе этой книги». Я его сейчас пишу и, возможно, буду просить, чтобы оно появилось с твоей подписью. Твоя кандидатура для меня особенно желанна потому, что я рассчитываю, что ты, как и в прошлый раз, поучаствуешь в редактировании и правке текста. Так что не расслабляйся. Естественно, изыщем возможность и передачи тебе экземпляра.

Не могу сказать, что в моем состоянии есть какой-то ощутимый прогресс. Но я веду нормальный образ жизни, хожу, не падаю, бассейн пока не пропускаю и помню завет Окуджавы: «Впрочем, жизнью и такой стоит дорожить». До скорой связи. Твой Л. Ф.»

К. Бондарь – Л. Фризмани, 24.11.2015

Дорогой Леонид Генрихович! Прежде всего, благодарю Вас за доверие. Вы знаете, с каким удовольствием я участвую в Ваших начинаниях, поэтому, конечно, готов к тому, что стану автором предисловия. Написанный текст, как это у Вас бывает, почти совершенен, и видно, с каким тщанием он продуман. Здесь нет случайных слов. Тем не менее, я позволил себе некоторую правку, которая отмечена красным. Также я изменил несколько знаков препинания, которые никак не отмечены, и исправил пару опечаток.

Также хочу передать Вам слова благодарности и похвалы Татьяны Львовны, после знакомства ее с «Марфой» и Вашей «Еврейской темой». Она здесь оказывает мне существенную помощь, что называется, в «профорientации».

Рад Вашим успехам и желаю скорейшего выхода всех книг! А что Москва в отношении денег?»

«Дорогой Костя, большое спасибо. Поправки приняты за исключением „образца гражданственности“. Дело в том, что это цитата. Поэтому я заменил „считает“ на „называет“ и эти слова закавычил. Москва молчит. Будь покоен, я сообщу без задержки. Тане – благодарность и привет. До скорой связи. Твой Л. Ф.»

Л. Фризман – К. Бондарю, 6.12.2015

«Перефразируя начало письма Хлестакова Тряпичкину, спешу сообщить тебе, душа Бондарь, какие со мной чудеса. Совершенно неожиданно и стремительно определилась судьба моего «Остроумного Основьяненко» <...> Поступило приглашение Красовицкого¹, который просил передать, что согласен издать ее на любых моих условиях и выплатить мне гонорар, который я назначу. Но это было лишь начало. Когда я вошел в его кабинет, он меня обнял и поцеловал (то же повторилось при прощании). Ты себе представляешь? <...> Действительно, он не только принял мои условия, но и удовлетворил мои капризы. Параллельно распорядился активизировать подготовку сборника текстов «Евреи в произведениях русских писателей», о котором ты знаешь. Но и это не все. Он предложил мне подготовить еще и том произведений Квитки, никак не ограничив его объемом. Тут уж я намерен развернуться. Книга будет называться «Малороссийская проза» и включать все прозаические жанры, в которых работал Квитка: и произведения на исторические темы, и публицистику, и даже шуточные миниатюры. Это пока еще туманные фантазии. Дело-то было всего четыре дня тому назад, я только начал о нем думать. Издание, конечно, должно быть с научной базой – с комментариями и обстоятельной вступительной статьей. Раз уж я получил свободу рук, грех не воспользоваться. У меня осталось впечатление, что он готов печатать все, что я ему принесу.

Размышляя обо все этом, я подумал: вот уж действительно «судьба проказница-шалунья». Я начинал, став первым специа-

¹ Александр Витальевич Красовицкий – харьковский издатель.

листом по Баратынскому, потом оказался «главным человеком по русской элегии» (определение, которое дал мне Гаспаров) и вот сегодня я не просто первый, а единственный, кто пишет о Квитке. Кстати, не поленись вытащить из интернета и прочесть мою большую статью о нем, напечатанную во «Времени» 17 ноября. Меня интересует твое впечатление. До связи! Твой Л. Ф.»

К. Бондарь – Л. Фризмону, 7.12.2015

«Дорогой Леонид Генрихович! Рад Вашему письму, новостям, а особенно тону и настрою письма, так и излучающего энергию. Это прекрасно. Надеюсь на скорый выход Вашей книги, а том русской прозы Квитки, конечно, будет достойным голосом правды и мужества в нынешнем шовинистическом угаре.

Очень за Вас рад и готов по мере возможности Вам помогать. Статью еще не читал, но обязательно прочту.

Привет всем нашим общим знакомым! Сегодня первый день Хануки – праздника чуда и света. Раз уж Вы связались с евреями, я Вас поздравляю с этим праздником и желаю как можно больше тепла и света в Вашей жизни!»

«Дорогой Костя, прими и мои поздравления с Ханукой. Недавно мы долго говорили о тебе с Игорем¹. Мнение общее: огорчены тем, что тебя лишились, но рады тому, что ты доволен. Обнимаю и жду впечатления от статьи. Твой Л. Ф.»

К. Бондарь – Л. Фризмону, 7.12.2015

«Вверху письма ссылка на электронную версию Вашей статьи, которая датируется 20-м, а не 17-м ноября. Прочитал с огромным удовольствием. Хорошо чувствуется Ваше восхищение Квиткой, вырастает его многомерный образ, а отдельные

¹ Игорь Яковлевич Лосиевский – филолог, литературовед, заведующий отделом редких изданий и рукописей Харьковской научной библиотеки им. В. Г. Короленко.

строки лиричны и пронзительны — описания Харькова Квиткой и несколько Ваших детских воспоминаний. Думаю, ответ на вопрос, вынесенный в заглавие, из Вашего текста вырастает сам собой.

Ваше предыдущее письмо и эта заметка вызвали вновь харьковские воспоминания и размышления. Я Вам, кажется, писал, что не чувствую ностальгии. Пытаюсь понять, почему. Ведь больше сорока лет жизни проведены в Харькове, здесь прошло детство, были прекрасные минуты, интересные годы работы. И все же — теперь я понимаю, как плохо жить в нашей стране, каким унижением и предельным испытаниям мы подвергались все эти годы, не говоря уже о трагедии последних полутора лет. Здесь я чувствую совсем другое отношение к себе и вообще гражданам страны, здесь действительно все для человека. Но не хочу писать банальности, Вы все это хорошо знаете. Полгода подтвердили, что мой выбор был правильным, я чувствую себя дома».

Л. Фризман — К. Бондарю, 8.12.2015

«Дорогой Костя! Твое письмо меня очень впечатлило и обрадовало. Я и представить себе не мог, что ты акклиматизируешься на новой родине с такой быстротой. Что касается моей статьи, то разноречивой в датах для меня необъясним. Передо мной ведь газета от 17 ноября. Относительно содержания. Ты же понимаешь, что скрытой задачей этой публикации была самореклама. И как показали прошедшие дни, она решена успешно. Вообще мои издательские дела продвигаются настолько блестяще, что как-то неловко углубляться в детали. Впервые в моей жизни одновременно готовятся четыре книги, которые должны выйти в будущем году. Так что мы оба правильно определили для себя страны, в которых живем. Обнимаю. До связи! Твой Л. Ф.»

К. Бондарь — Л. Фризману, 20.12.2015

«Дорогой Леонид Генрихович, как продвигается Ваш Основьяненко? Удалось ли Вам подарить библиотеке нашу «Марфу»? И кому-нибудь еще из интересных людей?»

У меня все хорошо, есть даже некоторые надежды на получение работы в научной (или околонаучной) сфере, но напишу точнее, когда уже станет более понятно.

В преддверии нового года шлю Вам нашу – вот такую, израильскую – новогоднюю фотографию. Здесь это тоже для многих праздник. Будьте здоровы!»

Л. Фризман – К. Бондарю, 22.12.2015

«Дорогой Костя! Спасибо за письмо и фотографию. Конечно, обе „Марфы“ давно переданы. Твоя – библиотеке, моя – лично Игорю. Квитка продвигается успешно. К середине января я обещаю полностью сдать сборник. А по монографии и договор уже подписан. Уже беспокоюсь о следующей теме. Помнишь Светлова: „И вот я умер. Чем бы мне заняться?“ Кое-какие идейки бродят, но еще не решаюсь ими поделиться. Если не спишемся в уходящем году, то всего тебе и твоей семье доброго в новом. Обнимаю. Твой Л. Ф.»

«Знали ли Вы о смерти Гиршмана?¹ Оказывается, он умер в Донецке 17 мая».

«Дорогой Костя! Конечно, я узнал о Мишиной смерти на следующий день с одновременной просьбой А. Кораблева² написать некрологическую заметку, что сразу же и сделал. Поскольку „Дикое поле“, насколько я знаю, не выходит, она должна появиться в январе в воронежских „Филологических записках“, где, слава Богу, нет войны, причем А. А. Фаустов сто раз заверил, что не возражает против параллельных публикаций где угодно. Пока Миша стоит в очереди, прочти мою статейку, кото-

¹ Михаил Моисеевич Гиршман (1937–2015) – украинский филолог, профессор Донецкого университета, друг и коллега Л. Г. Фризмана.

² В этом письме упоминаются российские филологи – коллеги Л. Г. Фризмана.

рую Д. Бураго¹ печатает в Киеве. Как-никак моя первая публикация о Квитке, и твое мнение мне не безразлично. Обнимаю. Л.Ф.»

«Прочитал. Как всегда, получил удовольствие. Очень изящно и убедительно, и хорошо именно то, что признанный классик олицетворяет необходимость и правильность переводов на русский. Наши патриоты смогут ли оспорить Квитку? А ведь, наверное, захотят...

В сегодняшней ситуации Вы делаете практически невозможное, наводя мосты. Рад быть этому свидетелем. Ваш К.»

Л. Фризман – К. Бондарю, 29.12.2015

«Дорогой Костя! Сегодня, может быть, еще не пришел час новогодних поздравлений, но я опережу положенное время, потому что мне хочется передать тебе информацию, которая, вероятно, будет тебе небезразлична. Я получил письмо Кудрявцевой², в котором она сообщает, что надеется в наступающем году полноценно восстановить выпуск своего журнала и интересуется готовностью авторов продолжить сотрудничество в нем. Я ответил, что она, безусловно, может рассчитывать на меня и что ее предложение будет передано и тебе. Ну и, конечно, тебя и твою семью с Новой Обезьяной. Обнимаю. Твой Л. Ф.»

«Дорогой Леонид Генрихович, Спасибо за письмо и предложение. Конечно, хотелось бы, чтобы журнал возобновился. Не знаю, правда, что я смогу написать в отрыве от источников и библиотек (справедливости ради должен сказать, что в библиотеке Хайфского университета большой раздел по русистике),

¹ Дмитрий Сергеевич Бураго – киевский филолог и издатель.

² Людмила Алексеевна Кудрявцева – украинский филолог, профессор Киевского университета, редактор методического журнала «Русский язык, литература, культура в школе и вузе».

но попробовать можно. Может быть, в рубрике «Юбилейные чтения»? Если будет список юбиларов, то в нем найдутся, надеюсь, мои герои.

Поздравляю Вас с наступающим новым годом и надеюсь на встречу во второй половине года!»

«Я тоже вижу себя скорее в юбилейной рубрике. Методических статей явно писать не собираюсь. Но сотрудничать там приятно. А относительно отрыва от библиотек – на уровне, который там требуется, вполне обойдешься интернетом. Будем на связи Твой Л. Ф.»

К. Бондарь – Л. Фризмону, 15.06.2016

«Дорогой Леонид Генрихович! Ждал специально этого дня, чтобы Вам написать: дело в том, что сегодня своеобразный юбилей – ровно 10 лет назад, в этот самый день, я, набравшись решительности, впервые позвонил Вам домой. И вот что произошло за эти 10 лет! Я очень благодарен судьбе за них, считаю встречу с Вами и нашу дружбу одним из самых больших подарков, какие я только получал. Я счастлив тем, что не только учился у Вас, мог наблюдать за Вашей работой, но и общаться с Вами неторопливо, говорить о самых разных вещах. Все, что мы с Вами делали вместе, постоянно напоминает мне о трудной, но прекрасной доле ученого и дает силы продолжать начатое. Мой привет и добрые пожелания, конечно, не заменяют личного общения, но сквозь расстояния и повседневные хлопоты соединяют меня с Вами...

Как только наладится мой режим работы, сразу сообщу».

«Дорогой Костя! Ты настолько умен, что тебе не трудно предугадать каждое слово моего ответа на твое письмо. Я тоже очень дорожу тобой и нашей хорошей дружбой, и твой отъезд был для меня невосполнимой потерей. Не так много осталось

у меня близких и преданных людей, а они для меня сейчас дороже и нужнее, чем прежде. Тем не менее я очень рад твоим успехам, они подтверждают правильность твоего решения. Мне немножко досадно, что ты никак не откликнулся на мою статейку. Это моя первая публикация по Франко и я хотел всячески обыграть, что его „первое слово“ было первым словом о нем и для меня. Крепко тебя обнимаю и жду от тебя только хороших вестей. Твой Л. Ф.»

К. Бондарь – Л. Фризману, 20.06.2016

«Дорогой Леонид Генрихович, прошу меня простить за запоздалую реакцию на статью о Франко. Конечно, я ее прочитал, и прочитал с интересом, как все, что Вы пишете. Должен Вам признаться, я теперь стараюсь держаться в стороне от всего украинского, и даже Франко, которого я, в общем, уважаю, не спасает положения. Еще удивительно, что Вы цитируете Франко по-русски. Сегодня это выглядит очень необычно и смело. Это перевод? Не может же быть, чтобы он по-русски писал? И еще заметил: критикуя Устияновича, Франко словно защищает и отстаивает древнерусское прошлое как свою (и украинскую?) культурную и духовную святыню. Не так ли? И не в этом ли и Ваш посыл – в отсылке к авторитету Франко в поисках объединяющего и конструктивного начала? Если так, то это оружие против разрушительной работы нынешних властей и их пособников. Вашу борьбу я разделяю, хотя и являюсь сторонним наблюдателем. Вот такие вкратце соображения».

К. Бондарь – Л. Фризману, 28.06.2016

«Да, естественный ход вещей еще никому не удавалось остановить. Но я знаю, что Ваше оружие – погружение в работу – всегда было действенным. Будем надеяться, что сработает оно и сейчас. А как продвигается „Пан Хялявский“ и „Остроумный Основьяненко“?»

«„Остроумный Основьяненко“ и сборник „Малороссийская проза“ (600 стр. — дублер Литпамятника) выйдут в октябре. Сам памятник в конце года, но может быть, что в начале следующего».

Л. Фризман — К. Бондарю, 7.07.2016

«Дорогой Костя, как ты, вероятно, заметил, в одном номере отмечают обычно не более двух юбиляров. В твоём списке я нашёл только одну бесспорную кандидатуру — Маршак. Это мой скандальный пробел. Почти всех остальных я рассматривал и ответил как „недовеликих“. Сообщи, о ком ты хотел бы написать, и я передам их имена как уже закреплённые за тобой. Привет!»

К. Бондарь — Л. Фризмани, 31.12.2016

«Дорогой Леонид Генрихович, с новым годом! Пусть он будет спокойным и плодотворным! Посылаю Вам тёплый хайфский привет и надеюсь, что в этом году мы продолжим наше дружеское общение! Новых идей Вам и сил для их воплощения!»

«Дорогой Костя, шлю встречные поздравления. Будем надеяться на лучшее, но должен признаться, что формула „СЕМНАДЦАТЫЙ ГОД“ вызывает у меня зловещие ассоциации. Дай Бог, чтобы он обошёлся без ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ! Напоминаю, что твоя статья во 2-й номер должна поступить до 1 марта. Твой Л. Ф.»

Л. Фризман — К. Бондарю, май 2017

«Очень хорошая статья, она не идёт ни в какое сравнение с тем, что ты написал о Гинзбург. С удовольствием перешлю. Но вот что меня беспокоит. На дворе май, а я, подписчик, не получил ПЕРВОГО номера. Постараюсь прояснить ситуацию. Мой мемуарный сборник печатается. Шлю тебе обложку и содержание. Обнимаю. Твой Л. Ф.»

«Дорогой Леонид Генрихович, спасибо за одобрение. Писал с любовью и хорошим настроением. Будем надеяться, не зря. Обложка сборника мне очень нравится, и колоритом, и образным рядом. Ну а с содержанием я знаком. Хочу пожелать, чтобы книга скорее вышла в свет и нашла своего читателя.»

К. Бондарь – Л. Фризману, 7.06.2017

«Дорогой Леонид Генрихович, рад Вам сообщить, что получил письмо от Кудрявцевой. Хорошая новость состоит в том, что она выслала мне полную верстку 1–2 номера журнала, плохая – что этот номер последний. Очень жаль...»

Остается сайт. Оказывается, одна моя статья там уже опубликована, и спрашивают согласия на публикацию второй. Это материалы, которые я посылал в прошлом году по еврейско-славянским контактам, и уже успел забыть о них. Сайт тоже, конечно, посещается и хорошо работает, но журнал был очень нужен.

Хотел бы Вам послать недавнее киевское интервью газете «Хадашот»¹. Будьте здоровы! Ваш К.»

«Дорогой Костя, прочел твое интервью. Ты, как обычно, на высоте. Я обо всем этом не имел ни малейшего представления. Но больше всего мне понравился твой портрет. До связи! Твой Л. Ф.»

К. Бондарь – Л. Фризману, 9.08.2017

«Дорогой Леонид Генрихович! Рад приветствовать Вас с Украины! Сейчас мы с семьей отдыхаем в Трускавце. Здесь все очень хорошо, но одним из самых важных впечатлений стала для меня Ваша книга², которую мне передали через несколько

¹ Интервью (автор – М. Гольд) во время командировки в Киево-Могилянскую академию с курсом лекций по еврейско-славянским культурным контактам в апреле 2017 г.

рук. Это такой своевременный подарок, что я постоянно возвращаюсь к мысли о неслучайности важных событий нашей жизни. Мне кажется, по откровенности, глубине вложенного чувства, мастерству повествования она превосходит то, что я читал у Вас прежде в мемуарном жанре. Чувствуется напряжение чувств и памяти за лаконизмом формулировок. Не могу сдержат улыбки, когда читаю о невеждах и негодях – радуюсь, как Вы их отделили. Разделяю Ваши чувства к великим предшественникам. И, конечно, не могу найти подходящих слов, чтобы выразить признательность Вам: ведь Вы поместили меня в длинный ряд научной преемственности, идущий непрерывно через цепочку учителей и учеников. И то, что моя фотография замыкает ряд изображений, который начинают Лихачев, Твардовский, Мейлах, Эткинд и другие, тоже дорогого стоит. Эта книга еще созвучна моим собственным раздумьям и воспоминаниям, потому что в последнее время писал кое-что в мемуарно-биографическом ключе, и сейчас обдумываю и набрасываю заметки к будущему очерку об учителях и современниках.

В общем, спасибо Вам огромное! Здоровья и сил для реализации Ваших планов! Надеюсь созвониться с Вами. Ваш К.»

«Дорогой Костя! Не буду разливать курским соловьем и подробно рассказывать, как приятно мне было твое письмо и как я горжусь тем, что ты обо мне написал. Скажу только, что оно прибыло в те минуты стыда и раскаяния, которые я испытывал оттого, что не поздравил тебя с днем рождения: Игорь мне напомнил, но поздно.

Главное, что хочу тебе сообщить: второе издание печатается в Москве полным ходом. Мои опасения были напрасны, у меня его, можно сказать, оторвали с руками и, как я считаю, на хороших условиях. По договору книга должна выйти в октябре, но издательство проявляет такую энергию, что это может про-

² В кругах литературоведов. Мемуарные очерки. Киев, 2017.

изойти и раньше. Она больше на 100 страниц: 10 новых очерков и существенных вставок в прежние, более 60 иллюстраций.

Рад, что вы хорошо отдыхаете и шлю привет твоей семье. Остаемся на связи. Жизнь продолжается. Твой Л. Ф.»

К. Бондарь – Л. Фризману, 14.08.2017

«Леонид Генрихович, спасибо Вам за письмо! Вы сообщили очень хорошую новость: конечно, второе издание нужно, и я рад, что оно будет шире. Думаю, что стоило бы послать и в Национальную библиотеку в Иерусалиме, если такая возможность будет.

Книга для Тани тоже у меня, и я собираюсь передать ей вскоре по возвращении. Да, будем на связи! Всего доброго!»

Л. Фризман – К. Бондарю, 15.10.2017

«Дорогой Костя! Как ты, может быть, слышал, Бор, ознакомившись с теорией Гейзенберга, сказал: «Идеи автора, конечно, безумны. Вопрос в том, достаточно ли они безумны, чтобы оказаться истинными».

Именно такой вопрос я хотел бы обсудить с тобой. Закончив моего «Франко» и не умея сидеть без дела, я затеял книгу о Науме Коржавине. После такой глыбы, как Франко, книга о Коржавине – это прогулка по бульвару. Пишется она легко и радостно, и твой «Гейзенберг» надумал выпросить под нее грант у Мемориал Фаундейшн, который в свое время поддержал «Таковую судьбу». Как оказалось, они меня не забыли и в сентябре поздравили с еврейским новым годом. Вопрос в том, достаточно ли безумна эта идея. Хотел бы знать твое мнение. Обнимаю дружелюбно».

«Дорогой Леонид Генрихович, спасибо, что поделились этой новостью. Что же еще я могу сказать, кроме слов одобрения? Зная Вас, я не сомневаюсь, что у Вас все получится. Можете не волноваться: идея вполне „безумна“!»

К. Бондарь – Л. Фризмону, 4.11.2017

«Дорогой Леонид Генрихович, прежде всего, поздравляю Вас с получением книги о Франко! Это огромный и важный труд, и я рад, что Вы теперь держите в руках его результат. Прошу Вас отложить экземпляр для меня. Если Вам удобно, попрошу моего друга Никиту забрать его. Надеемся также, что и книги о Квитке выйдут вовремя, и мы будем иметь удовольствие их прочитать.

Теперь о будущих Чтениях¹. Прямой преемственности нет, но есть некая общая научная традиция. Фактически, Таня, Ваш покорный слуга и память о Лившице – вот то, что связывает харьковскую и тель-авивскую сюжетные линии. Я высылаю Вам некоторые подготовительные материалы симпозиума, которые, возможно, помогут Вам яснее представить себе наш замысел. Мы примем любое Ваше решение относительно Вашего приветствия. Ваш К.»

«Дорогой Костя! Без всякого кокетства и жеманства принимаю твое поздравление с Франко. Это была самая трудная книга в моей жизни. Ее не прочел еще ни один человек, и, конечно, я с напряжением жду встречных впечатлений. Я намерен передать тебе до конца года еще три книги: второе издание мемуарного сборника, ожидаемое в ноябре, и двух Квиток в декабре.

Я получил представление о том, каким будет мое приветствие. Примиришь с тем, что оно будет пространным и многословным. Дружески обнимаю и кланяюсь твоей семье. До связи! Л.Ф.»

К. Бондарь – Л. Фризмону, 15.11.2017

«Дорогой Леонид Генрихович, университет рассылает сейчас приглашения на будущую конференцию, и я решил, что у Вас

¹ В марте 2018 г. Тель-Авивский университет совместно с Фондом Льва Лившица проводил Симпозиум «Жизнь евреев и еврейская жизнь в СССР: от убийства Михоэlsa до «самолетного дела». Предполагалось зачитать приветствие Л.Г. на форуме.

оно должно быть тоже. На всякий случай посылаю и предварительную программу. Будем ждать Ваше приветствие!»

«Дорогой Костя, все получил, спасибо! Дай мне еще подумать над моим текстом. Ты получишь его до конца месяца. Остаемся на связи, обнимаю».

К. Бондарь – Л. Фризману, 15.03.2018

«Дорогой Леонид Генрихович, в приложении – оглавление Коржавина. Всегда к Вашим услугам!»

«Спасибо, дорогой! Теперь я спокоен. неизвестного мне ничего! Только что записал еще два видеосюжета: „Еда в стихах русских поэтов“ и „Две загадки биографии Горького“. Обнимаю!»

Л. Фризман – К. Бондарю, 24.04.2018

«Дорогой Костя! Помоги мне, пожалуйста, в решении еще одной проблемы. Мне нужна статья Коржавина „Власть заговора“, опубликованная в сборнике „Падающий Зиккурат“, составленном О. Чухонцевым. Поскольку ты уже знаешь все механизмы, я предпочел бы, чтобы ты оформил заказ, а я только произвел его оплату. Заранее благодарен! Твой Л. Ф.»

К. Бондарь – Л. Фризману, 27.04.2018

«Здравствуйте, Леонид Генрихович, книга «Падающий Зиккурат» есть в РНБ. Сегодня я оформил заказ на копирование статьи Коржавина.

Добавлю, что статья занимает 10 страниц (сс. 106–115), что означает цену на копирование в 200 руб. Это примерно 11 шекелей. Думается, тем самым вопрос о переводе оплаты снимается».

«Как прикажешь... Если у тебя будет контакт с Таней, расскажи ей, что у Толика Житницкого¹ инсульт. Единственное, что я

знаю, – что он узнает только своих детей. Остаемся на связи. Л.Ф.»

Л. Фризман – К. Бондарю, 28.04.2018

«Костя, ты можешь сказать Тане, что у Толика определенный прогресс. Его привезли домой, и, когда я звонил, дочь передала ему трубку, и он сказал спасибо или что-то в этом роде».

«Понятно. Это внушает некоторый оптимизм. Как говорится у нас – хорошей Вам субботы! Ваш К.»

К. Бондарь – Л. Фризмону, 7.05.2018

«Коржавин получен из РНБ. Прикрепляю файл к этому письму. Качество не очень, но тут уж ничего не поделаешь. Надеюсь, Вы сможете прочитать».

«Дорогой Костя! Большое спасибо. Все прекрасно. На экране ничего не прочтешь, но распечатка читается даже без лупы. Если у тебя есть библиографическое описание всего сборника, сообщи, пожалуйста, место и год издания. Ну и, конечно, всех вас и всех нас с сегодняшним праздником. Твой Л. Ф.»

«Сборник – Падающий Зиккурат: альманах / Сост. О. Чухонцев. СПб.: Инапресс, 1995. 168 с.

Будьте здоровы! Всем общим друзьям привет!»

К. Бондарь – Л. Фризмону, 14.06.2018

«Дорогой Леонид Генрихович, по ссылке – мой материал о Кракове в израильской газете². Ваш К.»

¹ Анатолий Зиновьевич Житницкий (1935–2021) – харьковский филолог, искусствовед, друг и коллега Л. Г. Фризмана.

«Дорогой Костя! Большое спасибо. Я пока не сумел открыть материал, но в выходные придет мой помощник, и я все прочту. Главное не в его содержании, а в нерушимости наших контактов. Обнимаю. Твой Л. Ф.»

Это последнее письмо, полученное мною от Л.Г. за две недели до его смерти. Эпистолярный роман кончился, не дойдя до последней главы и эпилога. Но главное, что эти слова – «нерушимость наших контактов» – оказались его фактическим итогом.

² В мае 2018 г. Ягеллонский университет в Кракове проводил международную конференцию по творчеству Е. Водолазкина. В письме идет речь о газетной заметке об этом форуме.

ИСКУССТВО БЫТЬ ФРИЗМАНОМ

Л. Г. Фризман в харьковском метро, 2017

ПЕРЕД ЗАНАВЕСОМ

Немало сил отдавший изучению бардов, известный своими трактовками стихов В. Высоцкого и Б. Окуджавы, выпустивший монографию о Ю. Киме, Фризман проявил себя тонким пониманием театрального языка любимовских постановок, и одну из последних статей, написанную к 80-летию Высоцкого в январе 2018 г., он посвятил своим воспоминаниям о знаменитом спектакле Таганки.

Острота зрения, точность памяти и изящество стиля, свойственные литературоведческим трудам Л.Г., не покидали харьковского профессора до конца и проявлялись в его мемуарах. Его очерк о «Гамлете» говорит о нем самом не меньше, чем о его герое. Итак, слово Фризмону:

«...А теперь о том незабываемом вечере, когда я смотрел «Гамлета». Когда перед началом спектакля зрители наполняют зал и рассаживаются по местам, перед ними пустая сцена, а в ее глубине темное пятно, которое медленно приходит в движение, приближается к рампе и оказывается человеком, в котором мы узнаем Высоцкого с гитарой в руках. Гитара заметного места в спектакле не займет и скоро будет отброшена. Она нужна в момент появления, чтобы подтвердить: да, это я, которого вы привыкли видеть с гитарой. Под ее звуки он декламирует стихотворение Пастернака «Гамлет», служащее эпиграфом к спектаклю.

Напомню, что после смерти Пастернака прошло не так много времени. Жива была память не только о травле, последовавшей за публикацией «Доктора Живаго» и присуждением автору романа Нобелевской премии, но и о его похоронах, участие в которых в Переделкино воспринималось как проявление мужества. Десятки сотрудников известного ведомства, которых

ядовито называли «литературоведами в штатском», рыскали и фотографировали приехавших, и кто знает, какими могли быть последствия участия в этом «антисоветском мероприятии». Время было такое, что возвеличение этого стихотворения, и то, что трагедия ставилась в переводе Пастернака, не могло восприниматься иначе, как демонстративные акции.

Еще не прозвучали последние слова стихотворения, как вдруг возникает музыка, мощная, как шквал; тут же лежащий на полу занавес словно оживает, медленно поднимается и движется к середине сцены. С этого момента привычный театральный аксессуар, в котором мы привыкли видеть лишь средство спрятать сцену от любопытных зрительских глаз, становится действующим лицом, вернее исполнителем назначенной ему роли, которую можно определить словом «Стена». Огромная безликая стена. Он мог разгородить сцену пополам или по диагонали, стиснуть пространство, прижав актеров к линии рампы, и наоборот, отступить к кулисам, создав ощущение шири. Его цвет постоянно менялся, и все это работало на то, чтобы донести до зрителей нюансы содержания трагедии. Это стена, отгородившая короля от его подданных и отделявшая Гамлета от обитателей замка. Она вызывает в памяти массу фразеологизмов: биться головой о стену, стена непонимания, у стен есть уши, поставить к стенке. Занавес разрастается в символ трагических сил, судьбы, смерти, он способен к пугающим метаморфозам: то кажется стеной земли, грозно надвигающейся на людей, сметающей их в смерть, то подсвеченный изнутри, напоминает гигантскую паутину, в которой беспомощно бьются люди, то в нем видится некое безглазое чудовище, которое преследует и неотвратимо настигает свою жертву. Ему доступны все уголки, подвластно все пространство вселенной-сцены, бежать от него некуда. Могильщики, которые у Шекспира появляются в самом конце, здесь входят в игру с первой сцены – это увязано с трауром по покойному королю, но функция их шире: они вводят и поддерживают тему смерти, ощущение обреченности.

А человек на сцене ничем не отличается от тех, кто толпами ходит по Таганской площади. Думаете, он одет как Принц Датский? Как бы не так! Черный свитер, черные джинсы, мягкие сапоги. Наш современник, какой-то машиной времени заброшенный в мир клавдиев и полониев, и, попав в этот мир, живущий по волчьим законам властолюбия и бесчеловечности, он его не приемлет, а отстаивает наши моральные ценности, открыто вступает в бой за гуманистические идеалы.

Он все знает и понимает, так же, как и мы. Призрак не открывает ему ничего нового. Слушая его рассказ, он сокрушенно кивает головой. Он знает, что живет в прогнившем, изолгавшемся мире, где «все тонет в фарисействе». Он бросает многозначительную реплику: «О, мои прозренья!». Это значит: «Мои прозренья подтвердились».

У меня сложилось прочное убеждение: играя героя трагедии Шекспира, Высоцкий играл себя, сознательно или бессознательно пополнял его характеристику качествами, которые были присущи ему самому. Вряд ли шекспировского Гамлета можно назвать решительным человеком. Он во власти колебаний и сомнений, мучительно размышляет над вопросом: быть или не быть? Гамлета Высоцкого я бы уверенно назвал решительным человеком. Он добивается правды, а найдя ее, действует твердо и энергично. Ответ на пресловутый «гамлетовский» вопрос у него есть: быть! Но, думаю, этот ответ появился не сразу.

В 1972 г., через считанные месяцы после премьеры, Высоцкий написал большое, очень важное и в каком-то смысле загадочное стихотворение «Мой Гамлет». Оно малоизвестно, потому что Высоцкий не положил его на музыку, никогда не исполнял, и при его жизни оно опубликовано не было. В нем есть такие строки:

*Я бился над словами «быть – не быть»,
Как над неразрешимой дилеммой.*

*Но вечно, вечно плещет море бед, –
В него мы стрелы мечем – в сито просо,
Отсеивая призрачный ответ
От вычурного этого вопроса.*

А в самом конце еще раз:

*А мы все ставим каверзный ответ
И не находим нужного вопроса¹.*

Таким образом, в 1972 г. его не удовлетворял ни вопрос – «вычурный» и даже «ненужный», ни ответ – не то «призрачный», не то «каверзный». Я думаю, что Высоцкий потому и не предал это стихотворение гласности, что оно отразило промежуточную фазу его раздумий. Но через какое-то время, во всяком случае к тому спектаклю, на котором я присутствовал, ситуация для него прояснилась, и ответ перестал быть призрачным. И это проявляется в «поведении» занавеса, который признает, подтверждает его правоту.

Свой главный монолог Высоцкий произносил трижды, с каждым разом все решительнее и яростнее, мощно вращаясь вокруг собственной оси и завершая это мощным прыжком. На слове «Быть!» он делал гневный жест, словно втыкая в землю кинжал. А занавес метался вслед за ним. Гамлет смещается влево, занавес – туда же, расширяя место для Клавдия. Гамлет шагает вправо – занавес прижимает короля и его приспешников к кулисе. Во всем его облике решимость, готовность преодолеть любые препятствия, найти выход из любой ситуации. И вспоминается его мужественная песня: «Еще не вечер! Еще не вечер!»

¹ Высоцкий В. С. Сочинения в двух томах, т. 2. Екатеринбург: Крок-Центр, 1995. С. 50–51.

В «Гамлете» мы узнавали хорошо знакомое, уникальное умение Высоцкого тянуть согласные звуки. Наверное, в чтении это было труднее, чем при исполнении песен. Но и впечатление производилось более сильное: «век-к-к-к р-р-р-асш-шатался», «р-р-р-аспал-л-л-ас-сь связь времен-н-н», «ж-ж-ж-живи г-р-р-озой иль вовсе не ж-ж-живи!», «о ж-ж-ж-енщин-н-на злодейка! О подл-л-л-л-ец!»

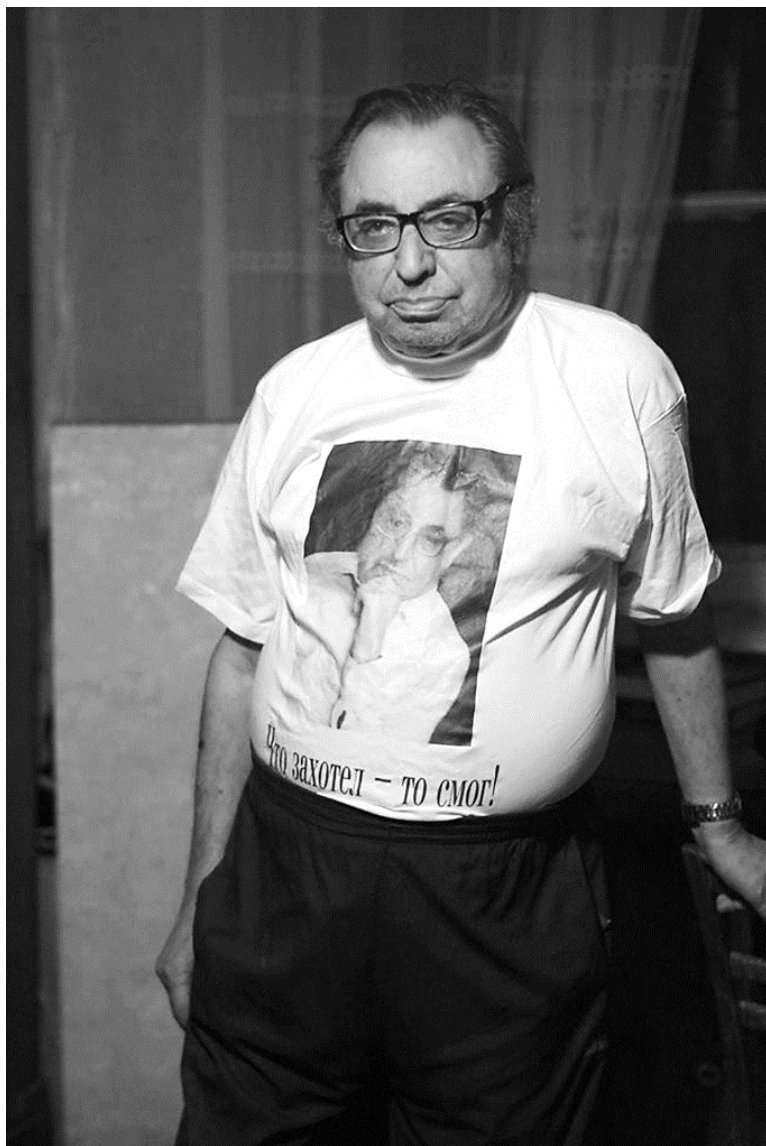
Известно, что идею о постановке «Гамлета» на Таганке подала Алла Демидова, позднее игравшая Гертруду, а первым, кто загорелся ее идеей, был Высоцкий. Но Любимов сначала и слышать об этом не хотел. Этот гениальный режиссер страдал трудно объяснимыми приступами упрямства. Если бы не это его качество, то после триумфального возвращения в Москву из эмиграции с восстановлением его советского гражданства и руководства театром, вероятно, не было бы его позднейшего конфликта с половиной коллектива, и созданный им театр не разделился бы на два.

Любимов рассказывал в одном из своих интервью: «Как Высоцкий у меня просил Гамлета! Все ходил за мной и умолял: “Дайте мне сыграть Гамлета! Дайте Гамлета! Гамлета!”». И Высоцкий добился своего! Мы всем обязаны его упорству и настойчивости. Без него не было бы не только такой постановки, а вообще никакой. А потом два года репетиций и 217 спектаклей. Эти двенадцать лет — по существу вся сценическая деятельность Высоцкого. В первые годы он говорил: «Мне повезло, что я играл Гамлета, находясь именно в том возрасте, который отмечен у датского принца Шекспиром». Закончил же он эту роль, по свидетельству Аллы Демидовой, мудрым философом, с душевной болью, с неразрешимыми вопросами и глубокой ответственностью перед временем и людьми. Для тяжело больного человека, каким он был к концу 70-х, каждый спектакль был подвигом. Ведь все остальные актеры появляются из-за кулис и скрываются за ними. А Гамлет, по любимовской задумке, не должен был покидать сцену ни на минуту. Лишь когда ему становилось совсем плохо, он исчезал на несколько мгновений

и глотал какие-то таблетки. А у служебного подъезда безотлучно дежурила карета скорой помощи.

Друзья Высоцкого правильно поняли и оценили функцию одежды, которая была на нем во время спектаклей. Когда его хоронили, он был одет в те же джинсы и свитер, которые носил, играя Гамлета.

После спектакля, на котором я был, аплодисменты зрителей вновь и вновь вызывали Высоцкого на сцену. На его губах была свойственная ему чуть ироническая, чуть презрительная улыбка. Она отвечала и всему его облику, и содержанию песен, в которых он постоянно посмеивался над собой. Самовлюбленности в нем не было ни капли. Но я сидел близко и, всматриваясь в его глаза, улавливал в них искорки гордости. Он чувствовал себя победителем. Сыграв Гамлета так, как удалось ему, он победил время. Словно не было четырех веков, минувших после создания шекспировской трагедии».

Последнее фото. 1.04.2018

ПОСЛЕДНИЕ МЕСЯЦЫ

Фризман поздно начал вести записи в интернете. Знакомство с социальными сетями случилось только весной 2018 г., и тогда профессор, по своей давней привычке, принялся с азартом осваивать новое. Его записи по-прежнему доступны, и каждый, кто захочет познакомиться с Л.Г. с неожиданной стороны, без труда сможет это сделать, а заодно и оценить не покидавшие его до конца задор и «хулиганство» (путь к внутренней свободе означал для него, помимо прочего, и бунт против условностей, ханжества и постного благообразия). Всего три месяца длился этот эксперимент, и, похоже, Фризман пробовал себя в разных жанрах сетевого творчества. Мне хотелось бы показать здесь некоторые из них — мемуар, поздравление, полемику, открытое письмо, афоризм, историко-литературный этюд. Итак, записи Л.Г. в хронологическом порядке:

1.04.2018

[Г. И. Ганзбург: «Это не фотошоп, это я в честь 1-го апреля сфотографировал профессора Л. Фризмана в именной футболке»].

«Эта футболка была мне подарена около десяти лет тому назад, но я ее ни разу не надел. Надпись на ней — из последней строфы стихотворения, написанного моим другом Игорем Лосиевским. Вот ее полный текст:

*Его простой девиз: всегда, везде — быть в форме,
И острый ум его отточен, как клинок.
А долгий книжек ряд — его нерукотворный
И рукотворный труд. Что захотел — то смог!»*

3.04.2018

«Вопрос: о чем вы думаете, Леонид, вызывает у меня в памяти цитату из Бабеля: «Об чем думает такой папаша? Он думает об выпить хорошую стопку водки, об дать кому-нибудь по морде...»

Я вам не «такой папаша». Я «кому-нибудь» по морде не даю – отбираю достойных...»

11.04.2018

«У меня новости – большая редкость. Я человек буднего дня».

22.04.2018

«Я думаю, что цитаты из книги Ленина „Государство и революция“, которые я напомнил вчера, не всеми были оценены по достоинству. Они подтверждают, что за месяц до октябрьского переворота Ленин ничего не понимал в природе государства, которое собирался возглавить. Он не понимал, что разбитую вдребезги государственную машину нельзя заменить поголовным участием народа в милиции. Он не понимал, что поголовно вооруженный народ представляет огромную опасность для любой власти, что образованный персонал инженеров, агрономов и прочих не будет работать лучше, подчиняясь вооруженным рабочим, что совершенно неисполнимо требование, чтобы все работали поровну и получали поровну. „Чтобы техники, надсмотрщики, бухгалтеры, как и ВСЕ (выделено Лениным) должностные лица получали жалование не выше заработной платы рабочего, под контролем и руководством вооруженного пролетариата – вот наша ближайшая задача“ (ПСС, т. 33, с. 50). Грустно признавать, но другой политик, день рождения которого отмечался позавчера, проявил в своей книге <...> намного больший реализм мышления...»

27.04.2018

«На днях, 22 апреля, исполнилось 180 лет с дня выкупа Шевченко из крепостничества. Как писал Чичибабин, „лучшими

людьми России из рабства выкуплен Тарас“. Энгельгардт запро-сил за него безумную сумму – 2500 рублей. Самая высокая цена за крепостного (обученный ремесленник, красивая моло-дая женщина) не превышала 100 рублей. вспомните ужас Чи-чикова, когда Собакевич назвал ему цену: „По сту рублей за штуку“. Инициатором выкупа Шевченко в самом деле был один из лучших людей России – Жуковский. Он уговорил Брюллова, чтобы тот написал его портрет, который предпола-галось разыграть в лотерею и таким образом добыть необходи-мые деньги. Но другие лучшие люди: Григорович, Гребинка и прочие платили, сколько могли, и дело было накануне срыва. Положение спасла царская семья: императрица купила билетов на 400 рублей, а ее дети – великая княжна Мария Николаевна и великий князь Александр Николаевич (будущий император) по 300 рублей каждый. 22 апреля 1838 г. в Аничковом дворце Энгельгардт подписал соответствующий акт. После этого Шев-ченко стал развлекаться изготовлением карикатур на импера-трицу, на которых в самом неприличном виде изображал ин-тимные части ее тела. Именно за это, а не за какие-нибудь пейзажики Николай I приказал лишить его возможности рисо-вать. Это зверское решение по сей день возмущает поклонни-ков Шевченко».

18.05.2018

«Идейка написать небольшой опус.

ЧТО ЕСТЬ КРАСОТА...

Посвящается Виктории Плахтеевой

Заглавие этого этюда взято из известных строк Заболоцкого:

Но если так, то, что есть красота

И почему ее обожествляют люди?

Сосуд она, в котором пустота,

Или огонь, мерцающий в сосуде?

Совершенно ясно, какого ответа добивался от нас поэт. Да только зря. Если мы хотим избежать путаницы понятий, давайте

согласимся: красота — это, конечно, сосуд. История искусства полна попыток возвысить содержание, намеренно вложив его в уродливую форму. Довольно вспомнить Вольтера работы Гудона или Петра I, созданного Шемякиным. Но никого из них не занимало, что есть красота в общепринятом смысле слова. Гудон вложил в своего Вольтера красоту, которой наделена острота всепронизывающей мысли, т. е. нашел для нее другой сосуд. Но бывает, что и огонь в таких случаях теряет свои свойства:

*В саду горит костер рябины красной,
Но никого не может он согреть.*

Для меня неприемлема у Заболоцкого идея априорного превосходства ценности содержания над формой. Гегель, к которому я привык обращаться за помощью, эту идею отвергал. Более того, не переоценивая своих будущих читателей, он неоднократно акцентировал даже определенную первичность формы: «То, что делает „Илиаду“ „Илиадой“, есть та поэтическая форма, в которую вложено содержание...»

23.05.2018

ДАВАЙТЕ УЛЫБАТЬСЯ!

«У моего друга Михаила Гаспарова было необычное хобби: он коллекционировал афоризмы: насмешливые и язвительные, разящие всякую нечисть и поднимающие настроение. Его любимцем был Ежи Лец, и он возмущался тем, что во Львове, где родился прославленный юморист, не было ни памятника, ни мемориальных досок Леца. Городское начальство не могло простить ему, что он был не украинцем, а поляком. Что поделаешь: национальная ограниченность и местечковая узость нередки в стране, в которой я живу.

Но имя Леца знал весь мир, а другой мало чем ему уступавший автор блестящих афоризмов Сигизмунд Доминикович Кржижановский был мало кому известен, в крошечной заметке в КЛЭ его творчество в этом жанре даже не упомянуто. Как афорист, он был открытием Гаспарова. Много часов провел наш ве-

ликий филолог в ЦГАЛИ, изучая его рукописи и покрывая лист за листом столбцами его афоризмов. Вечером, перепечатаывая их на машинке, Гаспаров имел обыкновение заложить лишний лист копирки и сделать экземпляр, который присылал мне.

Передо мной письмо, посланное мне тридцать лет назад, в 1988 году:

*«Дорогой Леонид Генрихович,
помните, я читал Вам выдержки из этого сочинения. Я хотел бы их
дополнить, но сейчас архив Кржижановского закрыт... Я перепечата-
тал, что у меня было переписано и позволяю себе послать копию
Вам. Пусть она будет новогодним подарком, опоздавшим в обратную
сторону. Низкий поклон всему Вашему дому!
С лучшей памятью Ваш М. Гаспаров»*

Я, конечно, лишен возможности воспроизвести даже четверть этого «новогоднего подарка», но прочтите хоть это, и пусть повеет на вас зоркостью и душевным теплом, присущими нашему автору.

Человек с высшим необразованием.

Направление на направленность.

Не хожу ни в дом терпимости, ни в дом нетерпимости.

Формалисты полагают, что сначала был открыт скрипичный футляр, а уж затем стали придумывать, чем его заполнить.

Пожалуйста, один жесткий билет от Великого до Смешного и обратно.

Литература — это борьба властителей дум с блюстителями дум.

Из Пушкина по воробьям

И мирозозерцнуть не дают.

Настолько-то я поэт, чтобы не писать стихов.

В евангелии сказано: прощайте врагам вашим, Но не сказано: прощайте друзьям. Друзей любят, ничего им не прощая.

Когда над культурой кружат вражеские разведчики, огни в головах должны быть потушены.

Это так же похоже на литературу, как зоологический сад на природу.

Мыслить — это расходиться в мнении с самим собой.

Пусть твой правый глаз не знает, что видел левый.

У нас слаще всех живется Горькому, а богаче всех Бедному.

Писать вилами, которые еще не выкованы, по воде, которая высохла.

Писателей разделяю на Орфеев и Морфеев.

Заглавие брошюры Циолковского «Нежные вещи и их убеждение от толчков». Калуга, 1895.

Будем считать, что это первая серия. Если она будет иметь успех, последует продолжение»

25.05.2018

ЕЩЕ ОБ АФОРИЗМАХ, ГАСПАРОВЕ И ЕЖИ ЛЕЦЕ (*продолжение темы*)

«Гаспарова считают царем и богом в двух областях филологии — как стиховеда и античника. И это сушая правда. Но кроме того он знал все на свете. Если бы я не был унылым материалистом, то сказал бы, что в эрудиции этого человека было нечто мистическое. Однажды он сидел у нас дома за чаем, и мой отец походя помянул имя Пильняка. И Гаспаров вдруг заговорил о Пильняке так, как будто только им и занимался всю жизнь: по памяти сравнивал журнальные редакции с окончательными, комментировал темные места. Что уж говорить о Леце, который был его любимцем. После одного из сидений в ЦГАЛИ он подарил мне листок, озаглавленный «Ежи Лец. Афоризмы (не напечатанные)». Было это давно, и я не поручусь, что они не напечатаны по сей день. Но копирую этот листок. Почитайте, не пожалеете.

Разрушая памятники, сохраняйте пьедесталы. Всегда могут пригодиться.

Используйте опыт орнитологов. Чтобы писатели могли развернуть крылья, надо позволить им пользоваться перьями.

Мне снилась действительность. С каким облегчением я проснулся!

Я знаю, откуда идет легенда о богатстве евреев: они за все расплачиваются.

Бывает, что есть куда воткнуть, но нет контакта.

На пожаре гетто многие погребли руки.

Прекрасное завтра не страшует от еще более прекрасного послезавтра.

Слышите бессвязное бормотание? Это хор согласных после уничтожения гласных.

Будь реалистом. Не говори правды.

Положительных героев необязательно создавать. Достаточно их назначить.

Искусство идет вперед. За ним следуют конвоиры.

Там, где поют в унисон, слова не имеют значения.

Иметь бы столько слушателей, сколько подслушивающих!

Если бы некоторых взяли всерьез, их бы уже не выпустили.

Дышать там можно, только непрерывно крича ура!

Если громко трубят в рог изобилия, он, должно быть, пуст.

Когда у иных вынимают изо рта кляп, они немеют от восторга.

Этот народ жил одной мыслью, и если поделить ее на число жителей, на долю каждого придется совсем немного».

13.06.2018

Вопль, обращенный к редакции газеты «2000»

«Автор этих строк — подписчик газеты на протяжении последних лет, читатель с дня ее основания, автор 2—3 десятков материалов, напечатанных в ней в разное время. С мая газета перестала доставляться и исчезла из розницы. Никаких предупреждений, как это бывало в прошлом, не было. На звонки по разным редакционным телефонам получаю ответы: ничего не знаем, ничего сказать не можем. Газета уже печатала объявления о подписке на второе полугодие, до которого осталось чуть больше двух недель. И что же? Ау, Сергей Кичигин со товарищи!»

20.06.2018

Поздравление Ирине Кононенко¹

«Дорогая Ирочка! Я хочу пожелать, чтобы ты в полной мере ощутила уважение, внимание, заботу, ласку окружающих тебя людей. Я не принадлежу к твоему близкому дружескому кругу, понимаю, что я для тебя только читатель ЦНБ и не вправе претендовать на большее. Но за годы нашего общения я настолько проникся твоим обаянием, что ему уже никуда не деться. Я восхищаюсь твоей интеллигентностью, в которой мне видится даже некая доля аристократизма, твоей неизменной доброжелательностью, составляющей часть твоей натуры. Когда я иду в ЦНБ, я иду на свидания с тобой и обогащаюсь каждой нашей встречей. Пусть судьба пошлет тебе хоть малую долю тех радостей и благ, которых ты заслуживаешь. Низкий мой тебе поклон!»

22.06.18

«Не могу умолчать о том, что на протяжении последнего года я работаю над книгой, которую надеюсь издать через несколько месяцев. Она будет называться „Стихи и проза Наума Коржавина“ и включать в себя обширное „Приложение“ – тексты неопубликованных произведений нашего великого современника. Письмо, посланное им в РГАЛИ с просьбой разрешить мне работу с его архивом, копию которого получил и я, было, возможно, одним из последних подписанных им документов. Одновременно готовится к печати и вторая книга, специально посвященная еврейской теме в его поэзии и публицистике. Ее название – „Настоящее имя поэта Коржавина – Мандель“. Шлю глубокое соболезнование и низкий поклон дочери покойного Елене Рубинштейн».

¹ Ирина Ивановна Кононенко (1957–2023) – многолетний сотрудник Центральной научной библиотеки Харьковского национального университета.

Утро 27 июня выдалось жарким. Поработав с утра над рукописью книги о Коржавине, ответив на электронные письма (среды прочих — и на письмо профессора Игоря Козлика из Ивано-Франковска; об этом мы знаем из воспоминаний адресата), Леонид Генрихович отправился в бассейн. Это был его ежедневный распорядок, и ничто его обычно не нарушало. После бассейна он как правило делал покупки неподалеку на центральном рынке, а затем возвращался домой. В ту среду, однако, план был иным — в ресторане на ул. Петровского (теперь — Ярослава Мудрого) у Л.Г. была назначена встреча с бывшей женой, Аллой Залмановной. Несмотря на то, что их семья давно распалась, бывшие супруги сохраняли дружеские отношения, скрепленные и горькой памятью о рано умершем сыне Игоре, и любовью к единственному внуку Алеше. Время от времени они «водили» друг друга в рестораны.

Нетрудно представить, как Л.Г. провел свои последние часы. Вот он запирает свою комнату на висячий замок (двери всех комнат в его старой коммуналке выходили в общий коридор) и выходит из квартиры со спортивной сумкой на плече. По широкой пологой лестнице спускается с третьего этажа во двор и идет к низкой подворотне, выводящей на Пушкинскую (дом, в котором жил Л.Г., представлял собой флигель, построенный в 1883 г. в глубине двора, общего с домом, стоявшим вдоль улицы. Путь во двор вел через длинный арочный проезд). На улице ему нужно было повернуть налево и пройти сто метров к станции метро «Пушкинская». Обычно, идя по городу, Л.Г. не глазел по сторонам, а сосредоточенно смотрел себе под ноги. В его отрешенности было что-то от давно ушедшей эпохи...

Две станции подземки — и вы уже в нижнем городе, на Клочковской, старой улице с дореволюционной застройкой, ведущей от центра города к отдаленным районам, Павловке и Алексеевке. Бассейн «Акварена» находится в начале улицы, и Л.Г. спокойно проходил короткий отрезок от станции метро к бассейну пешком.

Вот он входит в стеклянный вестибюль, любезно раскланивается с администраторами, вахтерами, уборщицами. Л.Г. запомнил всех, с кем он общался, и в тех местах, где он регулярно бывал, его тоже знали все. Таков уж был его характер, по-старомодному галантный. Профессор не упускал случая сделать знакомой женщине комплимент.

Короткая остановка в раздевалке, и вот она – манящая голубая прохлада под гулками сводами из стекла и бетона. Однако в тот раз эти несколько метров Л.Г. не прошел. В раздевалке он почувствовал себя плохо и успел кому-то об этом сказать. Увы, прибывшей бригаде медиков оставалось лишь констатировать смерть. Любимый город, улицы, лица – он простился с ними молча, без пафоса.

Весть начала разноситься по городу. Алла напрасно ждала его в ресторане. Позже она узнала истинную причину, почему пунктуальный Л.Г. не появился в назначенном месте. К вечеру социальные сети оповестили о случившемся весь мир. Я немедленно отозвался на внезапную утрату:

Фризман для Харькова был явлением чрезвычайным. Родившись и всю жизнь (за исключением военных лет) прожив в этом городе, Леонид Генрихович работал в науке на уровне крупнейших центров. Пройдя путь от учителя школы рабочей молодежи до профессора, он всего добился сам, без протекции и связей. Не имея учителя в собственном смысле слова, оставил более шестидесяти учеников. Подготовленные им научные издания «Дум» Рылеева, стихотворений Баратынского, «Северных цветов на 1832 год» и «Европейца» Киреевского принадлежат к лучшим публикациям издательства «Наука» <...> Будучи широким специалистом, Фризман занимался многими писателями XIX и XX веков, но его излюбленным участком была поэзия первой половины XIX в. С не меньшей силой любил он и бардов – Высоцкого, Галича, Кима. Все свои основные книги он выпустил в 70-80-е годы, но и последний отрезок пути оказался на редкость плодотворным – лучшее издание Чичибабина в «Литературных памятниках», книга о Франко-критике, подготовленный том прозы Квитки-Основьяненко. Смерть настигла его за работой над книгой о Коржавине. Символично, что поэт и литературовед ушли практически одновременно. Его уход, хотя и ожидаемый, явился неожиданно

и высветил всю его необыкновенную жизнь. Свет его звезды, отголосок его необычайной творческой энергии еще долго будет оставаться с нами.

В те дни воспоминания и размышления о покойном не отпускали его ближайших коллег и друзей:

Б. Ф. Егоров – И. Я. Лосиевскому, 27.06.2018

«Встрясла тяжелая весть. Много лет общения, чуть ли не полвека. И странная, ни на что не похожая уникальность: чуть ли не единственный из близких моих коллег, которого очень сильно сопровождали негативные ореолы <...> На этом фоне я потом очень тесно стал общаться с Л.Г., усматривая в качестве минусов лишь психологические мелочи, но никак не черные мазки. Вывод: мир ученых творцов очень сложен, иногда неприятие коллег переходит разумные границы; а оценку личности стоит давать прежде всего, оценивая результаты его творчества. Тут Л. Г. вне подозрений и упреков. Да будем живы! Ваш Б. Е.»

И. Я. Лосиевский – Б. Ф. Егорову, 29.06.2018

«Именно так, дорогой Борис Фёдорович. Психологические мелочи, а не чёрные мазки, никаких «мелких злодейств», хотя и они так обаятельны «на фоне Пушкина», если верить Окуджаве. В Л.Г. до конца сохранялась – при всей его «взрослой» предприимчивости, организаторских и коммуникативных способностях – некая подростковая душевная, иногда привлекательная своей прямоотой, наивностью, но и чрезмерная порой эгоцентрика <...>

Столько сделано им добра – многим, в том числе и мне, что перечисленные крохи неудобно даже на другую чашу весов класть. Главное: Л.Г. и злой умысел, коварство – вещи несовместные. Он был открытым человеком, доверчивым, как ребёнок. Открытым и для удара, который всегда был для него неожиданным, лести тоже доверялся, не всегда умея отличить её от подлинного уважения и восхищения его личностью. А против Л.Г. уж так старались, доносы в Киев многожды писали, незаслуженно лишали права вести аспирантов. Но скольких Л.Г. воспитал, помог подняться в науке! С какой прямоотой и теплотой написал о многочисленных коллегам, помогавших ему, полюбивших его, а о недругам – сдержанно, с почти детским удивлением и как бы с сожалением <...> А я вспоминаю, какое удовольствие получил, когда студентом впервые ознакомился с подготовленным Л.Г. изданием рылеевских «Дум», придя в восторг от его статьи, как бы написанной и сегодня,

и словно это взгляд оттуда, «на фоне Пушкина»... Всего самого доброго! Ваш И. Л.»

Б. Ф. Егоров – И. Я. Лосиевскому, 29.06.2018

«Дорогой Игорь Яковлевич, Вы замечательно проявили себя на высоте и на глубине психологизма. И сколько нового в этом письме! А, прочитав дважды, только и скажешь: воистину так! Да будем живы! Ваш Б. Е.»

В чередѣ известных мемуаров об уходе из жизни русских писателей и ученых есть свидетельства замечательного самообладания, как, например, в записях о кончине В. Л. Пушкина или М. А. Кузмина, да и одного из главных предшественников Л.Г. в науке – Б. М. Эйхенбаума. Занимаясь всю жизнь русскими литераторами, Л.Г. и сам удостоился редкого дара – легкой смерти, на пике творческой активности, без тяжкого и обременительного угасания.

Если таким был последний урок нашего учителя, то лучше преподать его он бы не мог. Как сказал бы персонаж известного кинофильма, это был очень яркий финал!..

*Могилы Л. Г. Фризмана
на 3-м городском кладбище Харькова. Фото К. Склярова. 2025*

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	4
«Я — человек будней...»	6
Фрирман-украинист	20
Еврейская тема у Фризмана	29
Роман с «Марфой». Забытые имена	42
Инскрипты и комментарии	65
Письма издалека	74
Перед занавесом	94
Последние месяцы	101

Константин Бондарь

Искусство быть Фризманом
Леонид Фризман в 2000-х – 2010-х годах

Константин Бондарь — филолог, преподаватель, архивист,
экскурсовод. Кандидат филологических наук (PhD).
Сотрудник АНУ — Музея еврейского народа в Тель-Авиве.

Л. Г. Фризман — известный литературовед, исследователь русской
поэзии, творчества поэтов-романтиков. Крупнейший специалист
по творчеству Е. А. Баратынского, поэтов XX века.
В книге предлагается авторский взгляд на биографию и творчество
Л. Г. Фризмана в последнее десятилетие его жизни.

Rideró

Rideró.ru — издай
книгу бесплатно!